

И. Е. Ким

ТЕОРИЯ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

ПРОСТРАНСТВО ЗНАКА И ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И. Е. Ким

Теория русской пунктуации:
пространство знака
и пространство текста

Новосибирск
2019

УДК 811.161.1 + 81'35
ББК 81.2Рус-8
К40

Рецензенты

д-р филол. наук, доцент *И. В. Башкова*
канд. филол. наук, доцент *М. В. Шпильман*

Ким, И. Е.

К40 Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста / И. Е. Ким ; Ин-т филологии СО РАН. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. – 120 с.

ISBN 978-5-4437-0991-8

В монографии И. Е. Кима представлен нетрадиционный взгляд на русскую пунктуацию. Предложена пространственная классификация русских пунктуационных знаков, учитывающая их микро- и макропространственные характеристики. Функции пунктуационных знаков объясняются их формальными, пространственно-кинематическими свойствами.

Для специалистов по теории письма, русской пунктуации, синтаксису русского языка, культуре русской речи, для учителей русского языка в средней школе, учителей начальной школы, широкого круга читателей.

Igor Kim presents an unconventional point of view on the Russian punctuation. He proposes spatial classification of Russian punctuation marks, taking into account their micro- and macro-spatial features. The functions of punctuation marks appear to be determined from their formal, spatial and kinematic properties.

The study is aimed at scholars of the writing theory, of the Russian punctuation, of the Russian syntax, at Russian language teachers, at non-specialist audience.

УДК 811.161.1 + 81'35
ББК 81.2Рус-8

Печатается по решению ученого совета
Института филологии СО РАН

ISBN 978-5-4437-0991-8

© Институт филологии СО РАН, 2019
© И. Е. Ким, 2019

Оглавление

Предисловие	5
Введение	8
1. Письмо в отношении к речи и языку	12
2. Пунктуация как знаковая система	19
3. Пространственно-кинематическая классификация пунктуационных знаков	29
3.1. Пространственные характеристики	31
3.2. Кинематическая база	39
4. Группы знаков по пространственным характеристикам и особенности их употребления	43
4.1. Одно- / многокомпонентность	43
4.2. Форма знака или его частей / компонентов	44
4.3. Размерность	51
4.4. Уровень знаков. Сигнификативно и перцептивно сильные позиции для невертикальных знаков	53
4.4.1. Знаки нижнего уровня	53
4.4.2. Знаки среднего уровня	55
4.4.3. Знаки верхнего уровня	56
4.5. Направленность и место пробела	58
4.6. Одно- / двухместность. Специфика парных знаков	60
4.6.1. О форме открывающей запятой	63
4.6.2. Одиночные и парные пунктуационные знаки: зона неразличения	67

5. Пунктуация и текст. Функции пунктуационных знаков	75
6. Пунктуация и синтаксис. Ортологические вопросы пунктуации	86
6.1. Пунктуация и типы синтаксического членения	86
6.2. Актуальное членение и пунктуационное оформле- ние	89
6.3. Роль пунктуации в отражении конструктивно-син- таксического членения текста	93
6.4. «Допускающие» правила и их применение. Запятая при однородных и неоднородных одиночных согласо- ванных определениях	97
Заключение.....	106
Список литературы	109
Приложение. Образец словарной статьи для пунктуационно- го знака «точка»	117

Предисловие

В середине 1990-х годов я, едва защитив кандидатскую диссертацию по узконаучной теме, в формулировке которой нормальному человеку понятна только вторая часть «...и ее выражение в современном русском языке», стал совмещать научную и учебную филологию, преподавание в вузе, с практической филологией – с корректорской работой в редакции одной газеты, в тот момент однозначно относимой мной и моими коллегами к «желтой прессе». Экономическая подоплека такого шага в тяжелые для страны девяностые годы очевидна, но у этого моего опыта был и важный научный результат: я стал задумываться над филологическими вопросами, до которых не дошел бы, не проработав три года на филологическом производстве.

Самый важный вопрос, который я задал себе, заключался в том, как организована филологическая деятельность. Научно-педагогический снобизм, оказывается, закрывал от меня массу филологических специальностей, не менее важных, чем обучение языку и исследование языка [Ким, 2010]. И некоторые истины, казавшиеся очевидными, были мной пересмотрены. Например, представители каких филологических профессий самые грамотные? Исходя из общих соображений, кажется, что чем выше филологический статус, тем выше грамотность. Но нет, ни школьные учителя русского языка, ни профессора, ни главные научные сотрудники не являются здесь эталоном (исключение составляют, конечно же, специалисты по орфографии и пунктуации). Практическая грамотность в общей массе выше у практических филологов. В советское время – у корректоров и литературных редакторов¹. В 20-е годы XX века –

¹ Ср. у С. Довлатова: *Вера Хлопина работала в машинописном бюро, хотя легко могла стать корректором и даже выпускающим* (С. Довлатов. Компромисс); *Мама стала корректором. И даже прекрасным корректором. Очевидно, был у нее*

у машинисток с дореволюционным стажем (ср. рассказ «Кочерга» М. Зощенко²). Предполагаю, что на заре становления наборной печати – у наборщиков. Хотя, как я понимаю, в эпоху зарождения печатного дела первые тексты набирали сами первопечатники. Приоритет практических филологов зиждется на фантастическом разнообразии их нормативной и правописной практики, которое и не снилось учителям русского языка, ограниченным рамками школьной программы, и даже ученым-нормативистам. Конечно, теоретическая подкованность ученого, особенно понимание синтаксической организации текста, дает преимущество в глубине осмысления пунктуационных фактов, а понимание структуры языка и языковых процессов позволяет легче разрешать нормативные коллизии спорных случаев, однако ему недостает широты охвата эмпирического материала, который проходит через руки корректора и литредактора, заставляя последних принимать решение здесь и сейчас, порой не имея за спиной весомого теоретического обоснования.

За время практической работы накопилось некоторое количество филологических вопросов, на которые у меня не было ответа, и третьим по важности в этом ряду оказался вопрос о том, что представляет собой пунктуация как система. Он возник в результате длительного и многократного обращения к замечательной книге Д. Э. Розенталя [1989]. В ней есть ответы на множество частных вопросов русской пунктуации, но нет ответов на самые общие вопросы: зачем вообще нужна пунктуация? какие свойства пунктуационных знаков позволяют им выполнять свои задачи? как в самом общем виде описать условия употребления пунктуационных знаков? почему в таких-то или таких-то условиях употребляется тот, а не иной знак? Я думаю, эти вопросы не были сформулированы самым на тот момент авторитетным специалистом нашей страны по правописанию, поскольку он решал вопросы пунктуационной нормы, которые в общем виде сводятся к одному: как правильно? Такая постановка проблемы не дает возможности задать самые важные теоретические вопросы и, соответственно, ответить на них.

талант к этому делу. Ведь грамматики она не знала совершенно. Зато обладала корректорским чутьем. Такое иногда случается (С. Довлатов. Наши).

² *Уже эту бумажку хотели послать на склад, но тут к директору явилась машинистка и сказала, что она сейчас звонила своей мамаше, старой машинистке с тридцатилетним стажем. И та ее заверила, что нужно писать: пять кочерг. Или пять кочерг (М. Зощенко. Кочерга).*

Возможно, ответ на половину вопросов (зачем нужна пунктуация? как описать обобщенные условия употребления пунктуационных знаков?) давала книга Б. С. Шварцкопфа [1988]. В последнее время появилось большое количество работ, в которых под разными углами зрения рассматривается функционирование знаков препинания (см. [Тискова, 2002; Кольцова, 2003; Сафронова, 2004; Перфильева, 2006; Шубина, 2006; Басалаева, Шпильман, 2015; Широкова, 2019] и др.). Но вторую половину вопросов (какие свойства пунктуационных знаков позволяют им выполнять свои задачи? почему в этих условиях ставится этот знак, а не другой?) я не мог найти ни в научной литературе, ни в существующей корректорской практике, поэтому взялся думать о них сам и, как мне кажется, нашел правдоподобные ответы.

Поставленные вопросы относятся к теории пунктуации. Не думаю, что на все я смог дать убедительные и полные ответы в этой книге. Но я попытался поставить вопросы таким образом, чтобы были видны подходы к их решению.

Введение

Современная лингвистика со времен И. А. Бодуэна де Куртенэ осознала, что устная речь – не тот образ речи, который возникает в голове говорящего и слушающего. Итогом этого понимания стали натуральные исследования разговорной речи в Институте русского языка (см. [Русская разговорная речь, 1973; 1978] и др.), формирование общих принципов работы с аудиозаписями устной речи – традиции сбора данных, расшифровки, письменной записи и пр. Опыт описания московской разговорной речи был распространен на другие города: Саратов [Сиротинина, 1995], Красноярск [Шмелева, 1989; 1997; Подберезкина, 2003; Трапезникова, 2007], Свердловск [Языковой облик уральского города, 1990], сформировав такое направление русистики, как язык города. Принципы описания были экстраполированы на устную научную речь [Современная русская устная научная речь, 1985].

На рубеже XIX–XX вв. появилось понимание, что и письменная речь не такая, какой мы ее представляем, а именно что это не записанная устная речь. Начало этому пониманию положил также И. А. Бодуэн де Куртенэ [1963a]. Современная общая филология, лингвистика и нелингвистические теории письма в силу своих теоретических установок культивируют представление о том, что письменная речь обладает специфическими законами функционирования [Рождественский, 1979] и существования, прежде всего пространственной организацией. Наиболее важными вехами в становлении этого понимания в лингвистике являются работы А. А. Реформатского, в частности его пособие по техническому редактированию [Реформатский, 1987] (см. также [Реформатский, 1963], исследования А. А. Зализняка [1979] и Б. С. Шварцкопфа [1988; 1996]). Однако «в лингвистическом быту», т. е. в научном обиходе языкознания, это понимание представлено чрезвычайно слабо. О синестезии устной и письменной форм языка можно говорить по отношению не только к «рядовым» носителям языка (ср.

Об этом мы **скажем** (устная форма языка; ср. *напишем*) **ниже** (письменная форма языка; ср. *позже*)), но и к лингвистам, которые утверждают, что инвариантом графических дискретных (алфавитных) знаков является фонема или что у письменного текста есть интонация. Показательна в этом смысле дискуссия о наличии или отсутствии интонации у письменного предложения на одной из секций Всероссийской научно-практической конференции «Русская речевая культура XX века» (Ачинск, 14–16 сентября 1999 г.), в которой стороны не смогли прийти к единому мнению.

Пунктуационным знаком (в дальнейшем – ПЗ) в этом смысле не повезло вдвойне. Во-первых, в изобразительно-начертательном плане ПЗ очень просты и не составляют проблемы ни для пишущего, ни для читающего. Этим обусловлено пренебрежение лингвистов к начертательной стороне ПЗ. Ср. характерное высказывание В. А. Ицковича [1974]: «В задачу статьи не входит графический анализ знаков». Статья между тем называется «Опыт описания современной пунктуации». Во-вторых, теория пунктуации изначально ориентирована на норму [Розенталь, 1989; Валгина, 2004; Бешенкова, Иванова, 2012] и на учет синтаксических различий [Бабайцева, Максимов, 1987], что заранее обрекает ее на роль мучителя школьников и служанки синтаксиса. Так, в историческом разделе учебника А. Б. Шапиро [1974] сначала описываются теоретические труды по пунктуации и лишь затем пунктуационная практика.

Поэтому прогрессивные идеи, связанные с изучением начертательных характеристик графики, последовательно к пунктуации не применялись, хотя элементы пространственного подхода встречаются у современных теоретиков русской пунктуации А. Б. Шапиро, Б. С. Шварцкопфа и др. Так, во введении к учебнику по русской пунктуации А. Б. Шапиро демонстрирует гипотетическую альтернативу современному пробельному письму в виде использования в начале слова прописной буквы, обсуждая, как кажется, несколько пристрастно, ее недостатки [Шапиро, 1974. С. 10–12].

Дефицит понимания формальной природы пунктуационных знаков обуславливает цель этой книги – показать уникальность пунктуации как формально и функционально самостоятельной подсистемы письменной репрезентативной формы языка, а также связать формальные характеристики пунктуационных знаков с их ролью в организации, членении и интерпретации текста. Я постараюсь описать формальную организацию и функции пунктуационных зна-

ков вне зависимости от нормы и, насколько возможно, вне прямой зависимости от синтаксического строения текста.

Отмечу, что пунктуация попадает в поле зрения сразу нескольких наук о письме.

1. *Грамматология*. Отношение ее к пунктуации косвенно можно оценить по тому, как часто употребляется термин *пунктуация* в работах по грамматологии. Так, в тексте книги И. Е. Гельба [1982] этот термин встречается два раза.

2. *Типографика*. А. А. Реформатский, а вслед за ним многие другие лингвисты, например Л. Г. Веденина [1975], Б. С. Шварцкопф [1988. С. 66 и далее] и др., различают пунктуацию письма и расширенную пунктуацию печатного текста (лингвистическую и типографскую пунктуацию). Возможности наборной печати и уж тем более компьютерного набора позволяют вводить в текст большое количество не основных знаков (в состав основных входят алфавитные и цифровые знаки), которые в своей совокупности улучшают организацию, членение текста и акцентуацию его частей и элементов. Возможности компьютерного набора, редактирования и верстки в настоящее время доступны рядовому носителю языка, поэтому основные сведения и умения, связанные с типографикой и редакционной работой, оказываются необходимы любому активно пишущему речедателю.

3. *Параграфемика* (паралингвистика письма). Пунктуацию как средство параграфемики (метаграфемики) определяют А. Н. Баранов и Б. П. Паршин [1989; 2018]. Они относят ее к синграфемике. Н. Л. Шубина в своем учебнике по пунктуации последовательно реализует представление о метаграфическом назначении пунктуации [2006]. Существует, однако, и прямо противоположная позиция, в которой неалфавитные знаки и суперсегментные единицы письма относят к периферии пунктуации [Широкова, 2019].

4. *Теория естественной письменной речи*, в базе своей ориентированная на изучение ненормированного письма и выявление механизмов формирования письменного текста, не связанных с влиянием нормы [Тискова, 2002; Власов, 2005; 2007].

5. *Лингвистическое изучение текстов СМИ и Интернета* (см. [Шалимова, 2008; Стурикова, Кирпичикова, 2014; Холодковская, 2014; Басалаева, Шпильман, 2015; Широкова, 2015; Басалаева и др., 2016] и др.). Особенно интересно в данном случае изучение пересечения пунктуации и смайликов (эмотиконов) [Нашхоева, 2011].

Все это говорит о несомненном интересе современной русистики к закономерностям русской пунктуации и к пунктуационной практике.

Меня же в данном случае интересует форма пунктуационных знаков и «неизбежность» пунктуации, взаимосвязь формальных характеристик знаков препинания с их ролью в той системе языка, которую они обслуживают. Эта система – русское письмо.

Конечно, кажется довольно наивным выводить особенности употребления пунктуационных знаков из их внешнего вида. Это ощущение наивности прямого соотнесения формы и функции имеет под собой весомую основу: мы видим, что звуковая оболочка языковых выражений очень слабо связана с их смыслом, а попытки построить прямое соответствие в русле, например, фоносемантики подвергаются жесткой критике вплоть до исключения ее из состава дисциплин признанной сообществом ученых лингвистики. Тем более сложно связать начертательные характеристики букв с выражаемым ими звучанием. Произвольность языкового знака, отсутствие прямой зависимости между формой базовых единиц языка – фонем, графем и образуемых ими слов – и их значением вызывает недоверие и к возможности существования такого прямого отношения между формой и функцией знаков препинания.

Однако мы видим, что знаки пунктуации не выражают сложных смыслов, а служат для пространственной организации текста, который, в свою очередь, тоже является пространственной формой. Такие функции просты и требуют от знаков препинания наглядности, визуальной определенности и простоты. С другой стороны, пунктуация всегда находится на периферии графической системы языка и поэтому не рефлектируется лингвистами с такой настойчивостью, как центр системы, что делает употребление пунктуации интуитивным, реализующим естественные реакции носителей языка. Третий фактор, послуживший, как мне кажется, основой для соответствия формы знаков препинания их назначению, – это многовековое осмысление пунктуации в практике печати, опять же требующей наглядности, ясности в пространственном исполнении знаков препинания и организуемого ими текста.

1. Письмо в отношении к речи и языку ³

Существует парадокс освоения и осознания языка.

Человек, если он не ограничен в модальностях восприятия (возможностях восприятия, обеспеченных органами чувств), начинает осваивать язык с его звуковой формы и к началу освоения письменной формы уже овладевает устной формой в очень высокой степени. А осознание языка – не языковое чутье, а метаязыковое сознание (см. [Обыденное метаязыковое сознание..., 2009] и др.) – формируется в процессе освоения письменной формы. Этому способствуют несколько важных факторов.

Во-первых, освоение звуковой формы языка происходит вместе с формированием речи и вербального мышления. Иначе говоря, у носителя языка – ребенка в начале освоения устной речи отсутствует система самоосознания, которая формирует базу для рефлексии языка. Освоение же письменной формы происходит при интенсивно формирующемся вербальном мышлении, позволяющем подходить к освоению новых умений аналитически.

Во-вторых, процесс освоения речи является, насколько это возможно, естественным и автоматическим: ребенка практически не учат произносить слова и выражения, кроме, возможно, небольшого количества важных для взрослых слов. Естественный характер обучения предполагает произвольность, несистематичность и нерефлексивность овладения речью. Процесс освоения письма для большинства детей, напротив, носит систематический и целенаправленный характер: в отличие от речи, которая воспринимается людьми как естественная способность, письмо имеет характер сложного ремесла с использованием непростых и разных по назначению инструментов, существуют массовые методики постепенного овладения письмом и, кроме того, разделение на пассивные умения

³ Впервые опубликовано в [Ким, 2015а]. Печатается с изменениями.

чтения и активные умения письма. Это приводит к тому, что письмо осваивается сознательно и рефлексивно⁴.

В-третьих, речь и письмо порождают разные по способу существования знаки и воспринимаются через разные органы чувств (используют разные модальности восприятия). Речь порождает знаки-процессы, воспринимаемые слухом и существующие ограниченное время. Человек в силу относительной неразвитости слуха и памяти не способен долгое время сохранять в сознании длинный акустический сигнал, поэтому в памяти содержится уже обработанное, «распознанное» сознанием сообщение. Исключение составляют фольклорные, паремийные и некоторые художественные тексты, специально оформленные для длительного хранения и подкрепленные традицией социума. Длительное удержание артикуляционного и акустического образа может быть связано с профессиональными навыками отдельных людей или индивидуальными способностями. Это означает, что организация речи, в том числе языковые структуры, сложна для осмысления, поскольку речь актуальна и сиюминутна, а способность к речи неосознанна и произвольна. Письмо же порождает знаки, которые долго сохраняются во времени и подвержены длительному созерцанию, систематизации и рефлексии.

Таким образом, в онтогенезе человек осваивает речь раньше, чем письмо, но осознает язык на основе его письменной формы.

Однако парадокс этот имеет важное ограничение: письмо помогает человеку осознать не само себя, а речь как форму воплощения языка и абстрактную систему языка, как бы лишенную материального воплощения. Сами реалии письма оказываются на периферии интереса лингвистики и на периферии интереса носителя языка, который за годы учебы овладевает знанием о многих фактах фонетики и грамматики.

Между тем роль письма в формировании современного типа человеческой культуры и человеческой цивилизации колоссальна и, возможно, затмевает те революционные преобразования, которые внесены в жизнь человечества материальным производством, изобретением электричества и освоением ядерной энергии.

⁴ Б. С. Шварцкопф в работе [1996. С. 200] ссылается на мнение Л. С. Выготского, который в работе «Мышление и речь» отмечал «большую сознательность письменной речи по сравнению с устной».

Письмо располагает набором средств выражения, не имеющих аналогов в речи. Поэтому теоретически важно понятие письменного языка, активно использовавшееся Й. Вахеком [1967]. В том числе это понятие значимо для понимания места пунктуации в графической системе языка вообще и в системе письменных знаков русского языка в частности. Более точно, с моей точки зрения, говорить не о письменном языке (что приводит к спорному тезису о существовании вместо единого языка двух разных языков, если у какого-либо языка существует письменность), а о письменной репрезентативной форме языка. Репрезентативность в данном случае подразумевает потенциал материального воплощения, который определяется возможностями человеческого организма и материальной культуры человечества для создания знака, а также органов чувств человека для восприятия знака. Реальное материальное воплощение знаков языка в его разнообразии описывается понятием фактуры речи, которое ввел в широкое научное употребление Ю. В. Рождественский [1996]. Однако репрезентативная форма языка как потенциал материального воплощения для общечеловеческого употребления сводится к двум разновидностям: аудиально-артикуляционной (устной, звуковой форме; речи) и визуально-графической (письменной форме; письму). Отличный по потенциалу исполнения и восприятия от речи динамический жестовый язык и отличная по этим характеристикам от письма статическая тактильная система Брайля ограничены в употреблении и активно используются относительно закрытыми сообществами соответственно глухонемых и слепых / слабовидящих.

Как уже отмечалось, речь и письмо порождают разные по принципу исполнения, восприятия и существования знаки. Более подробно опишу различия, стремясь минимизировать использование лингвистической терминологии, чтобы они были нагляднее.

Речь **динамична**. Как всякий процесс, она конечна и при этом не оставляет материальных следов. Поэтому речь предполагает культуру с малой глубиной рефлексии: в произвольной форме знание может передаваться через два, максимум три поколения, поэтому место инструкции занимает обучение из рук в руки, а воспроизводимость сложных действий обеспечивается ритуалом. Историю заменяет вневременной миф, а культурно значимые речевые произведения образуют фольклор, требующий от общества или его части механического запоминания.

Членораздельность речи существует, но довольно **условна**. Границы звуковых единиц оказываются размытыми, представляя собой не ясно отчеркнутую линию, а полосу, область, либо, наоборот, оказываются скрытыми, демонстрируя интерференцию, вращение элементов друг в друга. Аффриката может быть полноценной фонемой в составе морфемы, а может образоваться на стыке морфем, ср., например, *спица* и *спиться*. Аккомодация притягивает друг к другу соседствующие гласный и согласный, наделяя оба звука общими признаками, в частности смещая место образования согласных и горизонтальную локализацию (ряд) гласных, например, в сочетании заднеязычного согласного [к] и гласного переднего ряда [и]. Ассимиляция сокращает объем противопоставляющих соседние фонемы дифференциальных признаков. Более важно, однако, что минимальной полноценно выделяемой единицей плана выражения является слог, границы которого во многих языках, например индоевропейских, не совпадают с границей минимальных значимых сегментов речи – морфем. Это приводит к созданию способов описания фонетики, не основанных на выделении фонем (фонетика китайского языка, где вместо фонемы выделяется слог и его части – инициаль и финаль) или подчиняющих фонемы собственно знаковым единицам языка (Московская фонологическая школа, где основной единицей фонетики в реальности оказывается морфема, а фонема выделяется в ее составе и определяется ее свойствами, прежде всего постулируемым материальным тождеством). Таким образом, речь обладает явными чертами **непрерывности**.

Еще одна важная особенность речи – **естественный** характер ее освоения, о чем уже было сказано. Это позволило лингвистам называть звуковой язык естественным в противоположность специализированным языкам математики и программирования, созданным сознательно и целенаправленно.

Четвертой особенностью речи является характер речевого произведения – **высказывания**. Высказывание глубоко погружено в коммуникативную ситуацию, в совокупности вербальных и невербальных средств речи непосредственно отражается коммуникативный замысел говорящего, реакция слушающего и совокупность физических и социальных условий коммуникации. Речевое (устное) высказывание рождается и тотчас же умирает в готовом виде, в его артикуляционно-звуковой, тембральной, ритмомелодической неповторимости.

Пятая особенность речи – характеристика знака. **Знаки речи** – это знаки-процессы, **протяженные во времени** и представляющие собой звуковые волны со сложной структурой, образуемой наложением друг на друга колебаний разных частот. Элементы таких знаков (фонемы) и сами знаки (фонетические слова) сменяют друг друга во времени и образуют последовательности элементов (слоги) и знаков (синтагмы), а также целостные речевые произведения (фразы). Для русского языка в качестве несегментных факторов существенны различие акцентирования слога (ударения) и безударности, характеризующее фонетическое слово, и изменение основного тона (интонация), характеризующее синтагму и фразу. Существенны также и задержки в непрерывности речи – паузы. Пауза как отсутствие звука речи играет важную роль в ее членении.

Контрастность элементов знаков речи, использование для их производства подвижных органов с низкими энергетическими затратами [Ким, 2014] и способность слуха человека к высокому темпу восприятия позволяют производить речь в очень высоком темпе. Но процессная природа речи предполагает и крайне короткое существование знаков во времени: процесс перестает существовать, как только прекращается. Особенностью звука речи является также то, что материальный результат этого процесса не сохраняется.

Изобретение письма и появление письменной формы языка привело к становлению тех признаков языка, которые позволяют ему сформировать современный тип культуры.

Письмо в своей исходной и наиболее совершенной форме представляет собой линейно расположенный набор **дискретных** двумерных знаков. При этом языковое содержание единичного основного знака (графемы) может быть разным в зависимости от системы письма: слово (иероглифическое), слог (слоговое), часть слога (консонантное), фонема + слог / морфема (корейское фонемно-слоговое), фонема (алфавитное). Таким образом, изначально письмо дискретно, хотя во многих системах скорописи элементарные знаки связаны между собой, образуя локальную непрерывность. Такова, например, традиция современного русского письма.

Письмо **статично**. Динамика речи в нем передается направлением, в котором исполняются пишущим и впоследствии воспринимаются читающим минимальные знаки (назовем этот признак векторностью). Противоречие динамики и статики письма отразилось в теории поэтики, где различается сукцессивное (последовательное)

и симультанное (целостное) восприятие текста (см., например: [Никитина, 2011]). Различение сукцессивности и симультанности в общей психологии связывается с асимметрией работы полушарий мозга и является важным инструментом описания процессов восприятия и мышления, в частности в современной дефектологии [Корнев, 1997. С. 96–97; Тараканова, 2004].

И наконец, письмо явно **искусственно**. Оно выполняется на писчем материале или иной плоской поверхности, для его исполнения требуется специальный инструмент, который постоянно совершенствуется. Таким образом, письмо представляет собой ремесло и даже искусство, для которого есть специальный термин – каллиграфия, а возникшая на его основе печать представляет собой сложно организованное производство.

Письменное произведение – **текст**. Он представляет собой сложный артефакт. Взятый в его фактурной непосредственности и погруженный в социальный контекст большого временного промежутка, он представляет собой документ. Но в привязанности текста к породившей его коммуникативной ситуации в совокупности типизированных и индивидуальных коммуникативных условий он также является высказыванием [Бахтин, 1979. С. 239].

Для текста важны пространственные характеристики, задаваемые столкновением его изначальной линейности (квазилинейности), многомерной организации языкового кода и семантики, а также ограниченностью фактурных возможностей его исполнения (подробнее об этом см. в гл. 2).

Знаки письма – **знаки-фигуры** (буквы), двухмерные стилизованные картинки, располагающиеся однонаправленно в одном измерении, которое обычно определяется лингвистами как линия. Однако более точно эту последовательность называют строкой или столбцом – узкой полоской пространства, длина которой потенциально бесконечна, а ширина (высота) определяется стандартными размерами фигур. С помощью такой условной одномерности кодируется одномерность и однонаправленность времени, главной характеристики речи. На практике длина строки определяется шириной писчего материала – страницы, а также комфортом визуального восприятия большого количества мелких фигур – букв. В связи с последним фактором в газетах и журналах текст при горизонтальном расположении часто разбивается не только на строки, но и на колонки.

Знаки письма исполняются на писчем или пригодном для письма материале с использованием специальной краски или без нее. Таким образом они формируют надпись или текст – статическое языковое произведение. В связи с этим существование знаков письма принципиально отличается от существования знаков речи: они существуют, пока сохраняется писчий материал и видимый след на нем, образующий фигуры.

Как видим, речь и письмо в языке создают дихотомию динамического и статического, непрерывного и дискретного, «природного» и «рукотворного», высказывания и текста, времени и пространства.

Отразим это соотношение в табл. 1.

Таблица 1

Основные характеристики речи и письма

Параметр	Речь	Письмо
<i>Характер существования</i>	Динамика	Статика
<i>Отношение к членораздельности</i>	Континуальность (непрерывность)	Дискретность
<i>Характер освоения</i>	Естественность	Искусственность
<i>Произведение</i>	Высказывание	Текст
<i>Основной параметр знака</i>	Время	Пространство

Таким образом, письмо и речь противопоставлены довольно четко как две репрезентативные формы языка – статическая и пространственная, с одной стороны, и динамическая и временная, с другой.

2. Пунктуация как знаковая система ⁵

Пунктуация как система знаков находится на периферии графической системы языка (системы письма). Центральное место в этой системе занимают знаки, передающие членораздельные (сегментные) единицы речи через кодирование звучания (алфавитное, консонантное и слоговое письмо) и/или смысла сегментных единиц языка (иероглифика) [Зализняк, 1979; Шварцкопф, 1988. С. 7]. Для русской графической системы центральными знаками являются алфавитные знаки (буквы), обозначающие фонемы в том смысле, в котором последние понимаются Московской фонологической школой, т. е. строевые элементы морфем, видоизменяющиеся в зависимости от фонетической позиции и окружения.

Периферийность пунктуации не позволяет воспринять ее как целостную систему знаков. Русская пунктуация обычно воспринимается как дополнительное средство ⁶ для правильного отражения синтаксических отношений. Поэтому очень часто в практике преподавания систематического курса русского языка используется название «Синтаксис и пунктуация». И большинство правил пунктуации написаны так, что их нельзя применить без знания синтаксиса. Ср. распространенное представление о принципах русской пунктуации: «Русская пунктуация строится на совмещении трех основных принципов: структурного (знаки как формально-грамматический показатель), смыслового (знаки как функционально-семантический компонент высказывания), интонационный (знаки как отражение устного бытования того же текста, предполагаемое прочтение фразы)» [Кузнецова, 2018]. Два из трех принципов относятся к синтаксису русского языка, а третий – к представлению о зависимости письменной формы языка от устной.

⁵ Впервые опубликовано в [Ким, 20196]. Печатается с изменениями.

⁶ См. термины: вспомогательные знаки [Шубина, Антошинцева, 2005], параграфемика, метаграфемика, синграфемика [Баранов, Паршин, 1989; 2018], метатекст [Перфильева, 2006].

Другое устойчивое представление о пунктуации, даже превосходящее по популярности представление о ее встроенности в синтаксис, связано с нормативным характером пунктуации: мы говорим не о законах пунктуации, а о пунктуационных правилах (пунктограммах); про пунктуацию конкретного текста или рядового носителя языка не говорят в терминах эффективности, наглядности, а говорят о ее правильности, нормативности⁷, вариативности. Возможно, такой взгляд формируется еще одним регулярным сближением дисциплин: «Орфография и пунктуация». Исключение составляет выразительность, которую можно связать с третьим представлением о пунктуации, дополняющим первое и второе. Нормативный взгляд тесно связан с синтаксическим, поскольку правильность пунктуации говорит о понимании пишущим синтаксической организации предложения и текста.

С третьей точки зрения пунктуация нужна как выразительное средство письма. Место применения этой точки зрения – в изучении художественных текстов и интернет-коммуникации. Помимо работ, посвященных пунктуации конкретных авторов, например [Сафронова, 2004] о пунктуации М. Цветаевой, есть и обобщающие работы, например [Кольцова, 2003; Ищук, 2015]. Торжество изобразительной выразительности пунктуационных знаков – применение их в интернет-коммуникации в качестве элементов смайликов, стилизованных изображений выражения лица человека. (Речь в данном случае идет о комбинировании смайликов из ПЗ и некоторых других графических знаков, а не о готовых рисунках, вставляемых в текст или автоматически заменяющих комбинации ПЗ.)

Эти три подхода в разной мере исключают тот взгляд, который по отношению к другим подсистемам языка является ведущим и наиболее разработанным. Такой взгляд можно назвать системно-функциональным. Набор пунктуационных знаков, их значимые свойства и внутренние отношения в рамках такого подхода можно представить как компактную, организованную и целостную знаковую систему, а их отношения с внешней средой – как комплекс функций, обусловленных потребностями среды и возможностями знаковой системы.

⁷ См. характерное название пособия по орфографии и пунктуации: «Как пишется правильно? Нормы орфографии и пунктуации русского литературного языка» [Соловьева, 2008].

Для этого необходимо определить специфику среды, в которой функционирует пунктуация, а также формальные отличия пунктуационных знаков от других знаков, с которыми они соседствуют.

Средой (контекстом) для ПЗ является текст, исполненный письмом. Описанные в гл. 1 отличия письма от речи важны для понимания организации текста как среды.

Знаки письма, заполняя пространство страницы, образуют текст. Текст на странице располагается в виде строк или столбцов, заполненных знаками-фигурами. Потенциально текст способен заполнить все пространство страницы, последовательно переходя со строки на строку или со столбца на столбец, и перейти на другую страницу и т. д. Такой текст при малой величине знаков-фигур неудобен для чтения. Для удобства восприятия необходимо членение письменного текста, позволяющее выделить в нем единицы разных уровней.

Естественным средством членения выступает физический конец строки или столбца – вертикальная или горизонтальная граница страницы, часто отделяемая от конца строки / столбца полем – пустым пространством строго определенного размера, как правило существенно меньшим, чем длина строки / столбца. Однако такая граница является произвольной, механической, определяется размерами страницы, а не задачами членения.

Лучшее визуальное средство членения – пробел, пустое пространство. Существует несколько разновидностей пробелов – начинающая межсловным, выделяющим графическое слово, и заканчивая целой пробельной страницей или пробельным листом, отделяющими друг от друга части и тома. В эту систему входит и физический конец строки / столбца, оставляющий пустое поле. При этом пробел – довольно абстрактный знак, отличающийся некоторой недискретностью. Размер межсловного пробела на письме определяется на глазок, что приводит к сложности оценки слитных и отдельных написаний при проверке диктантов и других письменных работ по языку. Межсловный пробел «поглощается» [Шапиро, 1955. С. 88] концом строки. С другой стороны, если на физический конец строки приходится только часть слова, возникает необходимость в знаке переноса, который показывает, что конец строки не является конечным аналогом межсловного пробела. Концевой абзацный пробел, произвольный конец строки, может совпасть с ее физическим концом, и тогда абзацный пробел станет неотличим от продолжения

абзаца. Поэтому в практике русского письма принято делать не только концевой, но и начальный пробел – абзацный отступ, а американский стиль оформления абзаца предполагает дополнительное увеличение интервала между абзацами, которое также недискретно, потому что не кратно величине межстрочного интервала.

Пустое пространство на странице находит осмысление в современной литературе, особенно в формалистических традициях XX в. (см., например, [Заруцкий, 2019]).

Покажем роль межсловного пробела в восприятии текста на примере (рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация и подпись под ней с использованием латиницы и кириллицы и отсутствием межсловного пробела в зоне их контакта (<https://fotostrana.ru/public/post/241847/704500518/>; дата обращения 09.05.2019)

Негативный эффект от отсутствия межсловного пробела в данном случае усугубляется тем, что, помимо всего прочего, образует-

ся зона контакта латинского и кириллического письма, в которую попадают внешне одинаковые знаки. В результате буква *e*, содержащаяся в обоих алфавитах, оказывается на границе систем, и возникает двусмысленность в определении не только места пробела, но и границы между разнородными фрагментами текста. Если в зоне контакта контраст высок, то затруднение в восприятии при отсутствии пробела ослабляется, ср., например: *Microsoftna пути к созданию...*

Несмотря на удобство при членении текста, некоторые виды пробела в письме использовались не всегда. Так, славянское письмо в начале своего существования обходилось без межсловного пробела⁸ [Иванова, 1962]. А в латинском письме на начальном этапе вместо межсловного пробела использовался пунктуационный знак – точка среднего уровня без пробелов между словами; затем он был утрачен, и это привело к слитному написанию строки.

Таким образом, пунктуация как средство членения и организации текста может сочетаться с межсловным пробелом, может заменять его пунктуационным знаком, а может действовать в его отсутствие. Тем не менее другие типы пробелов в текстах так или иначе присутствуют.

Для понимания организации функциональной стороны русских ПЗ хочу предложить читателю небольшой (и, как кажется, довольно очевидный) этимологический анализ, который подводит к двум интересным аналогиям.

Пунктуационные знаки имеют еще одно название – знаки препонания. Рассмотрим происхождение обоих терминов.

Термин *пунктуация* восходит к латинскому *punctum* ‘точка’. Точка как простейший по исполнению знак (не имеющий дополнительных элементов знак нулевой мерности) является еще и самым важным: он отделяет друг от друга минимальные коммуникативные единицы – фразы, или, в иной терминологии, высказывания. К тому же, как уже говорилось, точка среднего уровня без пробелов в латинском письме служила не менее важным знаком, а именно отделяла друг от друга минимальные самостоятельные значимые еди-

⁸ А. В. Михайлов [1992. С. 36–37], однако, возражает против этого распространенного представления о славянском и русском письме, отмечая, что деление на слова наблюдается, например, в «Остромировом Евангелии» и берестяных грамотах раннего времени.

ницы – слова. С другой стороны, *punctum* имеет значение укола или тычка (от *pungō* ‘колоть’). Таким образом, пунктуационные знаки определяются по названию наиболее значимого знака и/или по характеру движения, совершаемого для исполнения такого знака. Ср. и русское слово *точка*, которое также восходит к обозначению исполняемого движения (*ткнуть, тычок*) [Фасмер, 1986–1987. Т. 4. С. 90].

Пре-пин-а-ни-е имеет явное родство с *пре-пят-ств-и-ем* [Там же. Т. 3. С. 359] и *пре-пон-ой* [Там же. С. 359–360]. Префикс *пре-* означает поперечное движение [Там же. С. 357]⁹, корень *пин-/пон-/пн-/пя-* имеет значение ‘натягивать’ [Там же. С. 292]. Таким образом, внутренняя форма русского термина связана также с пространственным и динамическим образом, но образом функциональным – поперечным пересечением направления движения чтения, которое осуществляется вдоль строки.

Интересно, что идея препинания-препятствования связана с помехой: препоны и препятствия мешают действию и движению. В противоположность им знаки препинания помогают чтению. Это значит, что знаки препинания – подобие не препятствия, а знаков дорожного движения. Естественным образом возникает вопрос о том, почему пунктуационные знаки-«препятствия» помогают чтению.

Дорога представляет собой полосу (и даже измеряется в полосах) и этим подобна строке, но, в отличие от последней, объекты, которые размещаются на дороге, трехмерны. Поэтому знаки дорожного движения не стоят на дороге. Они находятся сбоку от дороги или располагаются выше крыши автомобиля над дорогой. Непосредственно на дороге размещается дорожная разметка, которая имеет длину и ширину, но не имеет высоты и поэтому не мешает движению машин.

Пунктуационные знаки, как и дорожная разметка, располагаются на строке, но, в отличие от нее, перемежаются с основными знаками письма – буквами и идеографическими знаками.

Цель организации движения – оптимизация. Оптимизация дорожного движения – это его ускорение и обеспечение безопасности. Оптимизация восприятия письменного текста – это замедление. В отличие от дороги, где целью движения является достижение ко-

⁹ М. Фасмер использует в толковании слово «пересечение».

нечной точки, движение взгляда по строке / столбцу письменного или печатного текста служит для восприятия каждого расположенного на строке знака. Чем лучше членится письменный текст, тем удобнее он для чтения. Членение на минимальные письменные знаки в современном кириллическом тексте сочетается с членением на слова с помощью межсловных пробелов, которые дополняются физическим концом строки и пробелами более высокого ранга. Но этих средств членения, имеющих естественный характер, оказывается недостаточно, поэтому на письме используются специализированные знаки, не кодирующие звучание речи, а служащие для визуального членения текста. Разбивая текст на сегменты, бóльшие, чем слово, такие знаки препятствуют автоматическому движению взгляда по строке. Поэтому пунктуационные знаки называются знаками пре-пинания, т. е. знаками-пре-пятствиями.

Вторая аналогия, которая возникает в связи с ПЗ, имеет недавнюю историю. Это сравнение ПЗ со средствами компьютерной разметки текста. Разметка текста стала модной в эпоху компьютерной коммуникации и особенно в связи с развитием Интернета. Она, конечно же, напоминает дорожную разметку, но если дорожная разметка не мешает движению благодаря своей двухмерности в трехмерном мире автотранспорта, то разметка текста не мешает его восприятию благодаря возможностям компьютерных технологий, позволяющих не выводить на экран монитора и на печать всю закодированную информацию.

Для ПЗ, появившихся задолго до компьютерной эпохи, не были доступны возможности компьютерной разметки текста, но к ним оказались применимы возможности использования другой размерности и / или другого размера, чем размерность и размер букв.

Как уже было отмечено, буквы двухмерны и в идеале вписаны в условный прямоугольник – поле знака (в наклонном письме поле знака представляет собой параллелограмм). Чтобы мешать движению взгляда по строке в минимальной степени, ПЗ, имеющие вспомогательный характер, должны контрастировать с алфавитными знаками. Этого можно достичь несколькими способами, каждый из которых так или иначе используется ПЗ:

- 1) меньшая размерность и / или меньший размер у ПЗ относительно размерности / размера букв;
- 2) больший размер ПЗ относительно размера букв;
- 3) различие ПЗ и букв в форме.

Для того чтобы показать различия этих трех способов, нам необходимо обратиться к формальным характеристикам ПЗ. Подробно они описаны в следующей главе. Здесь же хочу отметить, что из пространственных характеристик современных русских ПЗ наибольшую значимость для различения с алфавитными знаками имеет размерность: мы можем обнаружить, что большинство ПЗ имеет нулевую мерность (точка, запятая, апостроф, одиночные кавычки) или только одно измерение (тире и дефис, восклицательный знак, многоточие, двоеточие и др.), чем отличается от алфавитных знаков, которые максимально полно вписаны в поле знака, т. е. являются действительно двухмерными. Таким образом, современные русские ПЗ в основной массе имеют меньшую размерность, чем буквы, что позволяет легко распознавать их и не путать при чтении. Более того, многие «одномерные» ПЗ содержат компоненты нулевой мерности, например двоеточие, многоточие, точка с запятой, восклицательный знак. ПЗ современного русского языка в основном реализуют первый способ создания контраста с буквами.

Интересно, что древнерусские ПЗ тоже отличались от алфавитных знаков, но отличия в отношении размерности / размера были как в сторону уменьшения (например, «срока» (точка), «двосрочие» (двоеточие)), так и в сторону увеличения. Для этого использовались комбинации знаков, что приводило, с одной стороны, к уменьшению размерности, а с другой – к увеличению размера. Ср., например, комбинацию «сроки» (точки; употреблена 2 раза), «двосрочия» (двоеточия) и «синтаксиса» (употреблен 2 раза)¹⁰ в тексте Остромирова Евангелия на рис. 2 (ПЗ обведен овалом).

Таким образом, древнерусская пунктуация конца абзаца комбинировала уменьшение размерности компонентов ПЗ по отношению к буквам с увеличением ширины знака, превышающей ширину поля знака, т. е. первый способ создания контраста с буквами со вторым.

Третий способ создания контраста, а именно различие в форме двухмерных ПЗ (восклицательного знака и слеша) и букв достигался качеством, которое условно можно определить как степень

¹⁰ Сразу оговорюсь, что моя интерпретация условна, основана на поверхностном выделении элементов. Специалисты по древней славянской пунктуации, наконец, определяют состав элементов по-другому и более осмысленно.

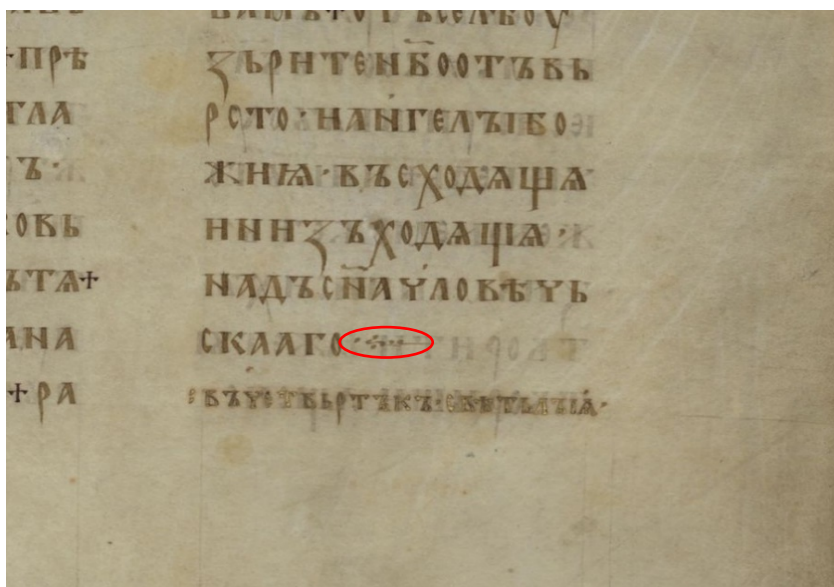

Рис. 2. Фрагмент л. 6–7 «Остромирова Евангелия».

Виртуальная коллекция РНБ (http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/_Project/page_Manuscripts.php?izo=B42EB88E-8BD8-44A1-9754-EF88B39E7CAC; дата обращения 04.07.2019)

наполненности поля знака. Русские буквы вписаны в поле знака таким образом, что образующие их линии простираются в пределах поля знака и в ширину, и в высоту. В то же время двухмерный косой слеш (дробь) имеет форму отрезка прямой, а заполнение поля знака обеспечивается наклоном слеша, его расположением по диагонали прямоугольника, образующего поле знака: [/]. Двухмерный вопросительный знак двухкомпонентен. Одним из его компонентов является точка — знак нулевой мерности. Второй компонент из-за его расположения над точкой заполняет в ширину не все пространство знака, а его верхнюю половину: [?]. Возможно, есть и простое математическое представление отличия двухмерных ПЗ от букв по форме, например, суммарная длина линий, образующих знак.

Таким образом, существует общий принцип формального воплощения ПЗ в отличие от букв – снижение размерности знака или его компонентов до одномерности или нулевой мерности, что позволяет при чтении уверенно отличать ПЗ от букв.

Такая соразмерность пунктуационного знака контексту характерна и для «текстовых» пунктуационных знаков, открытых Т. Ю. Чабан [Кириллица – латиница – гражданица, 2009. С. 70–75]. В современных печатных СМИ ею были выделены три воспроизводимых знака, служащих для обозначения соответственно конца («точка»), переноса на другую страницу (так и есть, «знак переноса») и начала текста (текстовая «прописная» – буква). В силу принципа свободной верстки текст мог распределяться по пространству полосы и газеты / журнала произвольно (а не размещаться с обязательным заполнением всей страницы и переносом на следующую), что и требовало фиксации конца текста и /или информации о факте его переноса на другую страницу и о месте переноса. Соразмерность ПЗ контексту носит следующий характер: текстовые «точки» и «знак переноса» занимают по высоте поле знака, а в длину могут превосходить длину поля, но не быть меньше. А известная нам «текстовая прописная» – буква – имеет высоту в две или более строк. Таким образом, наблюдается параллелизм (Т. Ю. Чабан называет это отношение изоморфизмом [Кириллица – латиница – гражданица, 2009. С. 71]): основные знаки пунктуации внутри текста имеют нулевую мерность или одно измерение, а знаки, работающие в масштабе всего текста, имеют размер, равный или превышающий размер поля знака. И перенос происходит не со строки на строку, а со страницы на страницу.

Как видим, знаки препинания могут быть выделены в рамках русской графики как самостоятельная система, отличная от системы алфавитных знаков (букв), в меньшей степени от системы числовых знаков (цифр) и примыкающих к ним иных иероглифических (идеографических) знаков. В формальном отношении ПЗ характеризуются одномерностью или нулевой мерностью всего знака или его элементов, а функционально выполняют важную функцию вторичного членения текста¹¹.

¹¹ Более подробно о функциональном подходе к пунктуационным знакам см. в гл. 5.

3. Пространственно-кинематическая классификация пунктуационных знаков¹²

Как уже отмечалось, противопоставляя устную речь (процесс произнесения) и письменный текст (последовательность исполненных движениями руки стилизованных рисунков), мы обнаруживаем существенные свойства знаков: устных – время и артикуляционное напряжение; письменных – пространство и траекторию движения. Поэтому предлагаемую к рассмотрению теорию пунктуации я хотел бы определить как пространственно-кинематическую (пространственно-моторную), учитывающую, с одной стороны, пространственное устройство и функции пунктуационных знаков, а с другой стороны, типизированные движения руки при их начертании и связанный с этими движениями психофизический образ.

В пространственном аспекте можно говорить о том, что всякий письменный текст представляет собой сложно организованное пространство: отдельный дискретный знак – это двухмерное изображение, состоящее из линий и точек (штрихов) и вписанное в прямоугольник или в параллелограмм (микропространство знака двухмерно), а текст в идеале является одномерной (линейной) последовательностью элементарных знаков (макропространство знака одномерно). В реальности второе измерение макропространства графического знака наличествует, но оно ограничено шириной (высотой) строки (мы не берем в расчет перенос строчек при их расположении на странице ограниченной длины, который отсутствует, например, при размещении текста на узкой телеграфной ленте). Элементы некоторых простых знаков выходят снизу или сверху за пределы строки, но в восприятии она кажется равной высоты по всей длине. Чисто линейным (одномерным) является только графическое обозначение знаков азбуки Морзе – простейшего телеграфного кода, использующего исключительно длительность сигнала,

¹² Впервые опубликовано в [Ким, 2000]. Печатается с изменениями.

которая на письме передается двумя графическими элементами (точка, тире) и пробелами разной длины (короткими между элементами внутри знака и длинными между знаками, представляющими группы точек и тире).

Стандартное нарушение «линейного» принципа заключается в вертикальном расположении знаков, т. е. таком, при котором линейную позицию одного знака занимают сразу два и более знака, в том числе:

– некоторые многоуровневые математические записи, например:

$$(x = \frac{a}{b});$$

– записи с верхними и нижними индексами, например: 2^{x-2} ; H_2O .

Факты нелинейного расположения знаков довольно многочисленны, однако они плохо осознаны в лингвистической теории и обсуждаются в периферийных или «смежных» дисциплинах: палеографии, грамматологии – теории письма, паралингвистике письменной формы языка: типографике, теории компьютерного дизайна и т. п. К нелинейным (графически, а не лингвистически) знакам относятся надстрочные и подстрочные знаки – диакритики, например, титло (˘), знак ударения (´); вертикальные лигатуры, например, диграфы «ук» (Ѹ)¹³, «штя» (ѡ)¹⁴ или предлог *от* (ѡ)¹⁵, знак сноски и другие индексы (ср. [Ицкович, 1974]).

Вследствие доминирующего принципа линейности русского письма, возможно, под влиянием латинского письма, до последнего времени наблюдалась тенденция к устранению вертикальности. Так, петровская реформа начала XVIII в. отменила (не прямыми путями) диакритики и многоуровневые лигатуры, оставив только точки над *и*, *е* в буквах *ѣ*, *ѥ* и «коромысло» («кратку», знак краткости) над *и*: *ѣ*. Позднее буква *ѣ* была упразднена в результате реформы 1917 г., а точки над *е* в письменной и печатной практике были утрачены и в настоящее время изредка употребляются для дифференциации омографов (графических омонимов), например: *Все врут календари* или *Всѣ врут календари?*; *Знакомые все / всѣ лица*, –

¹³ Диграф «оу»; элемент «у» располагается над элементом «о».

¹⁴ Диграф «ш'т'»; элемент «т» располагается под элементом «ш».

¹⁵ Буква «т» располагается над буквой «он» (ѡ).

а также для придания графического благообразия некоторым словам, например, *её* вместо *ее*. Точки над *е*, как и знаки ударения, последовательно используются в учебных текстах для осваивающих русский письменный язык.

В последнее время наблюдается, однако, тенденция к восстановлению этимологического *ѣ*, которая связана с возможностями программ набора текста современной компьютерной техники и в большей мере сотовых телефонов, которые восстанавливают *ѣ* в режиме автозамены.

Многоуровневость, вертикальность существует в специализированных текстах, характеризующих специфические сферы общения: научную, официально-деловую, производственную. Вертикальность отражает сложность содержания такого текста. В них используются индексы, сноски, формулы и примеры вычислений. Так, В. В. Налимов [1979. С. 62] отмечает двух- и даже трехмерность языка химических формул. Однако в текстах «общего пользования» даже специфические многоуровневые графические конструкции подвергаются выравниванию в линию, например, m^2 заменяется в практике некоторых газет на *кв. м*, m/c заменяется на *м/с*. Не последнюю роль в таком выравнивании играет удобство набора и верстки. Однако более важным фактором является общий линейный принцип письма, формирующий потребность в сведении в «линию» многоуровневых, вертикальных графических структур.

3.1. Пространственные характеристики

Более понятны и легче поддаются описанию пространственные характеристики ПЗ:

1. *Одно- / многокомпонентность*. Этот параметр следует отличать от одно- / двухместности (см. п. 7). Точка $< . >^{16}$, запятая $< , >$, одиночная скобка $<) >$, открывающая скобка $< (>$, закрывающая скобка $<) >$, слеш $< / >$ или $< / >^{17}$, тире $< - >$, апостроф $< ' >$, откры-

¹⁶ Здесь и далее ПЗ приводится в угловых скобках с обязательным указанием места пробела при его наличии.

¹⁷ В типографике различаются дефис $< - >$, короткое тире (n-dash) $< - >$, длинное тире (m-dash) $< — >$ и знак минус $< - >$. Различие между минусом и пунктуационными знаками заключается не только в длине, но и в высоте знака (типографика является более изощренной практикой в отношении работы с пространством, чем графика письма). Однако для нас четким различием между дефисом и тире является

вающая одиночная кавычка < ‘ >, закрывающая одиночная кавычка < ’ >, дефис < - >¹⁸ состоят из одного компонента, открывающая кавычка (< « > или < “ >, закрывающая кавычка < » > или < ” >), неориентированная кавычка < " >, двоеточие < : >, точка с запятой < ; >, вопросительный < ? > и восклицательный < ! > знаки – из двух, а многоточие < ... > – из трех компонентов.

Существует разнообразие сочетаний знаков на основе многоточия или повтора, которое связано, скорее, с комбинаторикой знаков, поэтому я их привожу, но не включаю в состав основных знаков: многоточие с запятой < ..., >, многоточие с вопросительным знаком < ?!.. > < ??!.. >, многоточие с восклицательным знаком < !!.. > < !!!.. >, комбинация вопросительного и восклицательного знака < ?! >, комбинация вопросительного знака, восклицательного знака и многоточия < ?!.. >¹⁹, повторяющийся восклицательный знак < !!! >, повторяющийся вопросительный знак < ??? >. Не все из этих комбинаций одобряются нормативными справочниками, но возможности комбинирования в «естественной письменной речи» превышают предложенный мной список.

2. *Форма знака или его компонентов.* Несложный анализ показывает, что у ПЗ или их компонентов есть четыре или пять геометрических разновидностей формы:

а) точка, фигура нулевой мерности. Существует основной ПЗ точка < . >. Как компонент точка входит в состав большого количества знаков: двоеточия, многоточия, точки с запятой, вопросительного знака, восклицательного знака;

ся не столько длина знака, хотя она и существенна, сколько наличие пробелов перед ним и после него. Так, в портативной пишущей машинке не было знака тире, и он исполнялся с помощью литеры дефиса с двумя (при расположении в середине строки) пробелами.

¹⁸ Вслед за А. Б. Пеньковским и Б. С. Шварцкопфом [1979] я включаю слово в состав потенциальных контекстов ПЗ, поэтому отношу к пунктуационным знакам, кроме принятых, еще дефис и апостроф, функционирующие исключительно внутри слова. Кроме того, я включаю в состав ПЗ также одиночные кавычки, слеш и одиночную скобку, которые по тем или иным причинам не попадали в поле зрения специалистов по пунктуации, хотя и использовались в письме.

¹⁹ И. Г. Кошечкина называет комбинации разных знаков в одной позиции дифтографами [2012. С. 133, 135] и считает их проявлением синтаксиса речи, в отличие от синтаксиса языка, в котором пунктуация ориентирована на оформление типизированных синтаксических структур.

б) черта – отрезок прямой. Может быть разной длины и может по-разному располагаться и быть по-разному ориентирован в поле знака: горизонтально (тире < – >; дефис < - >), вертикально (верхний компонент восклицательного знака < ! >), по диагонали поля (слеш < / >). Существуют еще две разновидности слеша: вертикальный < | > и обратный < \ >;

в) дугобразный компонент – отрезок окружности или близкая по форме кривая, располагается вертикально. Входит в состав одиночной скобки < >, открывающей < (> и закрывающей <) > скобок. К дуге может быть сведен клиновидный элемент, образующий запятую, апостроф или одинарные кавычки, если приписать такой дуге нулевую мерность. В принципе, с дугой можно уравнивать и верхний компонент вопросительного знака, хотя его происхождение связывается со стилизацией буквенных обозначений Qo в виде лигатуры с последующим упрощением [Ищук, 2015. С. 12 и др.];

г) угол, образуемый отрезками прямой, ориентированный вершиной вдоль строки. Встречается в угловых типографских кавычках-«елочках» < «> и < »>. Кроме того, форму угла имеет одна из разновидностей скобок – угловая < < ____ > >, ср. с другими разновидностями: прямыми < [____] > и фигурными < { ____ } >. Все эти разновидности используются в специализированном письме, требующем различения выделения по разным признакам, например в научных, в том числе математических, текстах;

д) факультативно – клиновидный элемент, утолщенный сверху и сужающийся книзу. Такой формой обладает запятая < , >, апостроф < ' >, закрывающая одиночная кавычка < ' >, компонент закрывающей кавычки-«лапки» < " > или < " >. Открывающая типографская кавычка-лапка < “ > и открывающая одиночная кавычка < ‘ > центрально-симметричны закрывающим, т. е. утолщаются от низа кверху. При выделении этой формы знака / компонента дугобразность или прямое исполнение могут считаться дополнительными признаками. Однако такую форму можно не выделять как самостоятельную, в этом случае форма соответствующих знаков может быть интерпретирована как элемент (б) или, скорее, (в) нулевой мерности (см. следующий признак).

В настоящей работе я буду придерживаться четырехчленной классификации формы (исключая пятую разновидность).

3. *Размерность*. Знаки, не имеющие длины и высоты, т. е. существенно более короткие, чем любой размер стандартного поля

знака, можно назвать знаками нулевой мерности – не имеющими измерений, т. е. сопоставимыми с точкой в ее математическом понимании. К ним относятся точка <.>, одиночная запятая <,>, парная запятая <,<____,>, апостроф <'>, одинарные кавычки <'>, прямые (ненаправленные) кавычки верхнего уровня <"> <"> и кавычки-лапки <"> <">. Роль знаков нулевой мерности зависит от конкретного знака и других пространственных и кинематических характеристик. Знаки, имеющие и длину, и высоту, можно назвать двухмерными, а имеющие только одно измерение – одномерными. Пытаясь ввести тернарное противопоставление, этот признак можно охарактеризовать как точечность / линейность / фигурность.

Высота и длина (ширина) знака оказываются существенными и сами по себе, поэтому введем еще два подпараметра.

3.1. *Высота*. Можно различать высокие знаки (с высотой, равной стандартному полю знака или больше него) и невысокие. К первым относим одиночную скобку <)>, открывающую скобку <(>, закрывающую скобку <)>, слеш (</> или </>), двоеточие <:>, точку с запятой <:>, вопросительный <?> и восклицательный <!> знаки. Среди невысоких знаков – точка <.>, запятая <,>, тире <->, апостроф <'>, открывающая одинарная кавычка <'>, закрывающая одинарная кавычка <'>, дефис <->, открывающая кавычка-«лапка» <">, закрывающая кавычка-«лапка» <">), неориентированная кавычка <">, многоточие <...>.

3.2. *Ширина*. Можно говорить о широких знаках: слеше (</> или </>), тире <->, дефисе <->, вопросительном знаке <?>, многоточии <...>; и о нешироких: точке <.>, запятой <,>, одиночной скобке <)>, открывающей скобке <(>, закрывающей скобке <)>, апострофе <'>, открывающей одинарной кавычке <'>, закрывающей одинарной кавычке <'>, открывающей кавычке-«лапке» <">, закрывающей кавычке-«лапке» <">, неориентированной кавычке <">, двоеточии <:>, точке с запятой <:>, восклицательном знаке <!>.

Ширина и высота одномерных знаков образуют эквивалентную, как будет показано ниже, оппозицию **горизонтальности / вертикальности**. Горизонтальные знаки – тире <->, дефис <->, многоточие <...>. Вертикальные знаки – одиночная скобка <)>, открывающая скобка <(>, закрывающая скобка <)>, прямой слеш </>, двоеточие <:>, точка с запятой <:>, восклицательный знак <!>.

Существуют два знака, обладающие двумя измерениями: вопросительный знак с довольно сложной пространственной организацией и косою слеш (дробь), располагающийся по диагонали идеального прямоугольника, в который он вписан. Подробнее о диагональности слеша и ее функции см. ниже.

Кавычки-«елочки» можно считать знаком нулевой мерности, поскольку в идеале они занимают меньшее пространство, чем нормальный идеальный прямоугольник, но в принципе ничто не мешает воспринимать их и как двухмерный знак. С одной стороны, они не являются знаком с выраженной функцией разделения, с другой стороны, очень «семантически», поэтому обладают и большей выразительностью (в этом ряду двухкомпонентность, двухместность (см. ниже), наличие нескольких начертательных и уровневых (см. ниже) вариантов).

Таким образом, размерность оказывается сложным признаком, учитывающим не только количество измерений, но и анизотропность пространства письма – разное назначение горизонтального и вертикального измерений.

4. *Уровень* (у невертикальных знаков): нижний, верхний, средний. Знаки и их части нижнего уровня: точка <.>, запятая <,>, многоточие <...>, письменный вариант открывающей кавычки-«лапки» <„>. Знаки среднего уровня: тире <–>, дефис <->, кавычки-«елочки» (<<> и <>>). Знаки верхнего уровня: апостроф <'>, открывающая одинарная кавычка <'>, закрывающая одинарная кавычка <'>, открывающая кавычка-«лапка» <“>, закрывающая кавычка-«лапка» <”>), неориентированная кавычка <">.

По уровню иногда один знак может меняться в разных вариантах, например, кавычки существуют в трех уровневых вариантах: «елочки» среднего уровня, «лапки» бывают нижнего (левый компонент) и верхнего (правый компонент) либо только верхнего уровня. Крайне редко встречаются открывающие кавычки-«лапки» верхнего, а закрывающие – нижнего уровня (мне встретился только один такой случай), что объясняется неудобством постановки после них точки или запятой, а также, как мне кажется, повышением в этом случае статуса кавычек: из верхней зоны знака контраста они перемещаются в нижнюю зону знака разделения.

5. *Направленность / ненаправленность*. В связи с векторностью письма направленность у одиночных знаков теоретически должна

быть вправо, а в связи с выполняемой функцией у парных знаков направленность должна быть наружу. Однако наличие выпуклости, образуемой дугообразностью или углом, эксплицирует направленность, и такая эксплицированная направленность может не совпадать с направленностью «по умолчанию», что создает разнообразные коллизии, в том числе нормативного плана.

У знаков, имеющих дугообразный компонент (одиночная скобка, парная скобка, запятая, апостроф, кавычки-«лапки», одинарные кавычки) или форму угла (кавычки-«елочки»), есть выпуклость, которая может быть обращена влево или вправо, внутрь или наружу²⁰. Так, у запятой выпуклость направлена всегда вправо, а у скобки – наружу, поэтому, поставив открывающую скобку, учащиеся редко забывают поставить закрывающую, в то время как пропуск закрывающей запятой – самая устойчивая ошибка. Ср., например: *Заявки, присланные после 23 апреля 2001 г. рассмотрению не подлежат* (Инф. письмо. Московский общественный научный фонд, Министерство образования Российской Федерации, Институт перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)). Для этой ошибки в государственном тесте по русскому языку [Русский язык. Тесты..., 1998; 1999] отводилось отдельное задание. По моему опыту, это было одно из самых сложных пунктуационных заданий (наряду с пунктуацией при сравнительном обороте и различием однородности сказуемых / сложносочиненного предложения).

²⁰ Невозможна, а более точно – нерелевантна и поэтому нефункциональна, направленность вверх или вниз, поскольку графическая линия горизонтальна. Эта особенность европейского письма нашла отражение даже в современных пунктуационных знаках, используемых в Интернете – смайликах. Смайлики имитируют выражение лица с помощью простых пунктуационных знаков, но это лицо как будто развернуто горизонтально, например, знак :-) обозначает простую улыбку. Замена смайлика на типизированное изображение (делается автоматически в некоторых редакторах и приложениях), развернутое вертикально и представляющее собой рисунок, означает перевод в параграфическое средство. С другой стороны, японские смайлики – эмодзи – представляют собой изображения, ориентированные вертикально и представляющие собой как бы часть лица без подбородка и лба, например (◡ ◡). Такие знаки не обладают потенциалом к сокращению и превращению в знаки не иконической, а символической природы, как горизонтально ориентированные смайлики, упрощенно обозначаемые скобкой.

Другой феномен, связанный также с направленностью частей двухместного (см. ниже, следующий пункт данной классификации) знака – замена в издательствах и автозамена в компьютерных программах-редакторах прямых или однонаправленных кавычек " " или " " на разнонаправленные: «_» или “_”.

6. *Место пробела*: справа, снаружи, с обеих сторон от знака. Называя части текста (предложения, абзаца), обслуживаемые ПЗ, контекстами (см. ниже, гл. 5), мы обнаруживаем, что одиночный ПЗ от правого контекста, а парный от внешнего контекста (открывающая часть от левого, а закрывающая часть от правого) отделяется пробелом, а от левого или внутреннего не отделяется. Исключение составляют внутрисловные пунктуационные знаки – дефис и апостроф, а также открывающая запятая и тире, от которого оба контекста отделены пробелом. Отсутствие пробела означает примыкание знака к контексту, включенность в него, в то время как наличие пробела указывает на отдельность от контекста. Наличие двух пробелов фиксирует равноправие контекстов, отсюда одна из функций тире – обозначение тождества. С этим параметром двойной запятой также не повезло: пробел у открывающей запятой стоит не снаружи (т. е. слева, как у открывающей скобки ли кавычки), а справа, как у одиночной запятой. Это второй фактор, способствующий «забыванию» поставить закрывающую запятую у двойного знака: открывающий знак никак не «намекает» на наличие закрывающего.

7. *Одно- / двухместность*²¹ (обычно в литературе используются термины одиночность / парность; предлагаемый термин заимствован из теории сложного предложения, в которой таким образом определяют скрепы, части которых расположены в разных частях синтаксической конструкции [Русская грамматика, 1980]).

К одноместным (одиночным) знакам относятся следующие: точка <.>, одиночная запятая <,>, двоеточие <:>, одиночное тире <->, точка с запятой <;>, многоточие <...>, <...> (разновидно-

²¹ Этот параметр следует отличать от одно- / двухкомпонентности. Различение одно- / многокомпонентности и одно- / множественности существует в синтаксической традиции в описаниях средств связи в сложном предложении: см., например, [Черемисина, Колосова, 1987]. Пунктуация, обслуживая текстовые структуры, обнаруживает в этом отношении сходство с аналитическими показателями связи, что говорит о близости задач, выполняемых лексическими и пунктуационными средствами членения и связи текста.

сти при потенциальном пропуске текста в конце и в начале), вопросительный знак <? >, восклицательный знак <! >, одиночная скобка <>, дробь (слеш) </>, </ > (варианты без пробелов и с пробелами), дефис <-> и апостроф <'> ²².

Парные знаки в основном состоят из частей, совпадающих с одиночными знаками: парная запятая <_, >²³, парное тире <- __ ->; двоеточие – тире <: __ ->. Исключение составляет парная скобка (скобки) <(__)>: ее левая часть уникальна, поэтому постановка левой скобки является однозначным сигналом парного знака ²⁴.

Параметр одно- / двухместности, хоть и является крайне важным, очень неоднозначен. Не очевидно, что нельзя описать функции парных знаков как производные от функций одиночных знаков, например как их комбинацию. Обратим внимание на то, что одноместные направленные знаки направлены вправо, включая даже такой мало отрефлектированный пунктуацией знак, как одиночная скобка, используемая, например, в рубрикации.

Для различения *n*-компонентности и *n*-местности будем различать **компоненты** ПЗ как элементы знака или той части знака, которая помещена в одном из двух мест, и **части** ПЗ, расположенные в разных местах. Таким образом, ПЗ может состоять из двух однокомпонентных частей, разнесенных по разным местам, как, например, двойная скобка, или скобки <(__)>, может состоять из нескольких компонентов, но быть одноместным знаком, как двоеточие <: >, и также может быть двухместным, но при этом каждая часть может состоять из нескольких компонентов, как кавычки <«__»>.

Как видим, все пространственные характеристики ПЗ отражают свойства микропространства (1–5) и макропространства (6–7) знака.

²² Последние три знака обычно не включаются в состав ПЗ. Я включаю в состав ПЗ дробь (слеш) как знак, который приобрел популярность и стал использоваться систематически со специфической функцией, а также дефис и апостроф как знаки, функционирующие в составе слова, которое включается в пунктуационные контексты авторами с высоким научным авторитетом (см., например, [Пеньковский, Шварцкопф, 1979]).

²³ Знак подчеркивания в данном случае обозначает выделяемый парным знаком словесный контекст.

²⁴ За исключением «скоростного» смайлика в интернет-коммуникации <(>, обозначающего отрицательную эмоцию через имитацию опущенных уголков губ.

3.2. Кинематическая база

Кинематическая природа ПЗ является неразработанным в теоретическом и описательном плане вопросом. Поэтому ограничимся некоторыми наглядными фактами и умозрительными суждениями, требующими эмпирического подтверждения.

В кинематическом (двигательном) аспекте письмо как процесс представляет собой движения руки, инициирующие движения инструмента письма по поверхности писчего материала с целью оставить видимый след – линию. От инструмента и материала зависит типизированный облик элементарных знаков, их «стиль», т. е. набор начертательных характеристик, и, что очень важно, характер движений руки (см. [Рождественский, 1979; Фридрих, 2001] и др.).

К характеристикам движений руки относятся по крайней мере три:

1) угловатость / округлость (ср. египетскую иероглифику и клинопись). Этот параметр зависит в первую очередь от писчего материала;

2) наличие / отсутствие нажима. Этот параметр в большой степени зависит от инструмента: кисточка не требует нажима, а перо и тем более инструменты для выдавливания и процарапывания предполагают обязательный нажим. Отражается это на глубине следа и / или толщине линии;

3) направление (ср. в китайских иероглифах и производных системах письма, например корейской и японской, – только вправо и вниз).

С кинематической точки зрения для пунктуационных знаков наиболее важной характеристикой является типизированное направление движения руки: вертикальное / горизонтальное. При этом, как правило, вертикальное движение направлено сверху вниз, а горизонтальное – слева направо. Для вопросительного знака, в наибольшей степени похожего на алфавитные знаки, движение руки более сложное – слева вверх и направо, затем справа вниз и налево. Аналогично косой слеш выполняется справа вниз и налево.

Как видим, первые две двигательные характеристики зависят от писчего материала, а третья – от культурных предпочтений этноса.

Понятно, что появление наборной печати, а в последнее время – компьютерной затемняет кинематическую природу письма, поскольку при печати принципиально меняется кинематика: мелкие движения кистью руки параллельно плоскости листа заменяются на отвесные удары (или нажимы) пальцами по клавиатуре печатной машинки или компьютера. Переход от письма к печатному, а позднее компьютерному набору приводит к увеличению дискретности сегментных графических знаков. Однако этот переход сопровождается увеличением плавности на суперсегментном уровне (параграфика развивается вследствие бóльших возможностей компьютерного набора и верстки: свободное варьирование гарнитур шрифтов, изменение кегля, цвета, насыщенности, разнообразные шрифтовые выделения). Появление технических средств печати и связанное с этим разделение труда в сфере письма привело к утрате позиций каллиграфии-чистописания и, как иронически отмечает С. П. Руссков [1994. С. 37], замену его «правильнописанием». Однако кинематические особенности письма отложились (в обобщенном виде) в гарнитурах шрифтов классической и переходной антиквы, ср. [Кирсанов, 1999. С. 126–133] о различии классических (гуманистических) и «гротескных» (рубленных, геометрических) гарнитур и особенностях их восприятия.

С известной долей осторожности можно утверждать, что пространственные характеристики ПЗ более существенны для читающего, а кинематические – для пишущего, поэтому, по всей видимости, при проведении психолингвистических экспериментов необходимо будет учитывать эти различия. С другой стороны, поскольку всякая стратегия письма ориентирована на дальнейшее восприятие, а чтение связано с учетом особенностей автора, и визуальный, и кинематический образы знака соседствуют у каждого человека, участвующего в обмене письменными знаками.

Можно говорить о различии пунктуационных знаков, для которых важнее пространственные характеристики, и знаков, кинематические характеристики которых имеют большее значение.

К первым без сомнения можно отнести одномерные знаки. Как с пространственной, так и с кинематической точки зрения могут быть интерпретированы различия между вертикальными и горизонтальными знаками. Вертикальные знаки располагаются перпендикулярно воображаемой линии движения глаз при чтении и поэтому

чаще служат знаками границы, в то время как горизонтальные лежат на этой линии, не прерывая ее, и поэтому чаще служат знаками соединения и продолжения текста, как, например, тире в указании маршрута поезда (*Москва – Владивосток*) или многоточие при купюре в цитате, ср., например: *У математического маятника, вечно качающегося от А к В и обратно, нет истории [...] В историю вообще, и в частности в человеческую, входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные и своеобразные факты* (В. Н. Топоров. Судьба и случай; цит. из Питирима Сорокина. «Человек. Цивилизация. Общество»). Можно говорить об «антонимии» двоеточия и тире, которые противопоставлены как знак границы и знак продолжения как пространственной организацией (вертикальностью, граничностью двоеточия и горизонтальностью, «соединительностью» тире), так и двигательными характеристиками (движение сверху вниз, поперек общего направления письма, и, кроме того, с перерывами у двоеточия и движение слева направо, по ходу общего направления письма, у тире).

Кинематически можно объяснить большое количество тире в поэтической речи и в неправленных рукописях: задача автора произведения – продолжить создание текста, а не остановить движение мысли и слова. Направленность знака слева направо, по ходу развития текста, позволяет автору выполнять эту задачу. И только при редактировании текста, сознательно, тире заменяются двоеточием в соответствии с правилами пунктуации.

Знак второго типа – точка. Кинематическая характеристика точки связана с имитацией движением руки движения тона, сверху вниз, но надо понимать, что это не натуральное движение, а его психофизический образ. ПЗ с кинематической функцией выступают как иконические, изобразительные знаки, но именно как знаки, требующие прочтения, а не как заменители интонации. В пользу такого подхода говорит практика изучения произвольной интонации актерами и профессиональными ораторами. В качестве одного из приемов изучения используется вспомогательное движение руки [Ножин, 1973]. Кроме того, можно вспомнить дирижерскую технику: с помощью движений руки дирижер управляет ритмической и мелодической организацией оркестрового исполнения.

При формировании кинематического образа точки друг на друга накладываются два образа: образ стандартного движения в поле

знака сверху вниз, типичного для русской моторной базы письма, и образ движения в третьем измерении: из положения над плоскостью письма в положение на плоскости письма, что соответствует этимологии слова *точка*, связанной с коротким прямолинейным движением – тычком (см. выше, гл. 2).

Обратим внимание на то, что точка является, если пользоваться терминологией теории оппозиций, немаркированным членом едва ли не всех оппозиций, заданных пространственной классификацией: однокомпонентный, простейшей формы, нулевой мерности, нижнего уровня, ненаправленный, со стандартным местом пробела (см. описание формальных характеристик в приложении).

4. Группы знаков по пространственным характеристикам и особенности их употребления

Далее рассмотрим особенности поведения ПЗ, связанные с их формальными характеристиками, по порядку их формальной классификации.

4.1. Одно- / многокомпонентность

Одно- / многокомпонентность определяет один из параметров сложности. Большее количество компонентов предполагает большую семантическую нагруженность ПЗ. Поэтому однокомпонентные ПЗ, особенно одиночные, полифункциональны, их «семантика» более абстрактна, а условия использования разнообразны. Так, самым сложным по употреблению знаком является одиночная и парная запятая.

Существует некоторая «преемственность» многокомпонентных знаков по отношению к однокомпонентным, являющимся их базой. Вертикальная комбинация «нижняя точка – дугообразный компонент» <? >, «нижняя точка – отрезок прямой» <! > позволяет сформировать осложнение функции произвольного конца, выполняемой точкой: «точка – дугообразный компонент» – знак вопроса (запроса информации), «точка – отрезок прямой» – знак экспрессии / эмоции.

Горизонтальная комбинация – тройной повтор точки – создает эффект замещения текста и таким образом позволяет выразить прагматическую установку на недосказанность. Обратим внимание на то, что трехкомпонентность знаков, содержащих точку, в любом случае формирует представление о множественности.

В качестве подтверждения большей «семантической» многокомпонентных ПЗ приведем мнение И. А. Бодуэна де Куртенэ, который делит знаки препинания на две группы, или, как он называет

их, категории: «1) Одни из них относятся только к морфологии писанной речи, т. е. к ее расчленению на все более мелкие части. <...> 2) Другая категория знаков препинания, имея тоже отношение к морфологии или расчленяемости писанной речи, подчеркивает главным образом семасиологическую сторону, указывая на настроение говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого» [Бодуэн де Куртене, 1963б]. Во вторую категорию он помещает три из шести многокомпонентных знаков: кавычки, восклицательный и вопросительный знаки.

Многоточие <...> <...> является единственным конвенциональным трехкомпонентным ПЗ. В названии этого знака реализована не только идея тернарного количественного противопоставления «один / два / много» (точка / двое-точие / много-точие), но и факт символизации множественности с помощью троекратного повторения знака. В этом смысле выражение множественности в пунктуации отличается от выражения множественности у иероглифических нечисловых знаков и графических сокращений, ср. § ‘параграф’ / §§ ‘параграфы’; п. ‘пункт’ / пп. ‘пункты’; в. ‘век’ / вв. ‘века’; г. ‘год’ / гг. ‘годы’. Многоточие как знак недосказанности используется благодаря не только реализации идеи множественности (ср. неопределенность субъекта предложения, выраженную с помощью множественного числа глагола или прилагательного: *Во дворе строили песочницу; Со мной были вежливы, но строги*), но и нижнему уровню расположения, и горизонтальности – одномерной протяженности в длину, см., например: *Наоборот, им мало плотят. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но все равно...* (В. Шукшин. Космос, нервная система и шмат сала).

4.2. Форма знака или его частей / компонентов

Можно построить двухмерную таблицу сочетаемости компонентов ПЗ. К сожалению, в эту таблицу не вмещается различие *n*-компонентности и *n*-местности, а также различие двух- и трехкомпонентности, поэтому таблица не лишена противоречий, в частности в некоторых случаях вторая часть двухместного знака интерпретируется как правый элемент. В этом случае знак в поле таблицы помещается в скобках. В скобках также помещены знаки,

употребление которых ограничивается специализированными сферами общения.

Обратим внимание на то, что в таблице большое количество лакун. Пунктуация не использует все возможности сочетаемости даже ограниченного количества штрихов (табл. 2).

Как уже было показано (п. 4.1), параметр формы знака и компонента связывает знаки, базой которых является точка или запятая: точку и вопросительный / восклицательный знаки, точку и многоточие, точку и двоеточие, запятую и точку с запятой. Хотя бы часть указанных отношений может быть проинтерпретирована содержательно, например, отношения точки и производных знаков конца предложения. Как показывают современная пунктуационная практика и новые исследования по пунктуации, и точка, и другие знаки конца предложения могут использоваться не только в конце предложения, однако наличие точки в составе вопросительного и восклицательного знаков сыграло роль в оформлении их основной функции – знака конца предложения. Более того, в каком-то смысле возможно было бы использование вертикальной черты средне-верхнего уровня и дугообразного компонента средне-верхнего уровня для обозначения соответственно повышенной эмоциональности / экспрессивности и вопроса, однако по параметру размерности среди ПЗ не встречаются знаки, промежуточные между нулевой мерностью и одномерностью (что говорит о дискретной размерности ПЗ), поэтому такие неконечные восклицательный и вопросительный знаки без нижней точки, возможные с точки зрения здравого смысла, невозможны исходя из формальной организации пунктуационной системы.

Существуют четыре пунктуационных знака типа черта, из них один вообще не включен в графическую систему (слеш), а один не считается пунктуационным (дефис):

1) **тире** < – >, например: *В обеих картинах актриса сыграла роль Кэрол Дэнверс – супер героиня, которая не только сильна, но и красива*²⁵;

²⁵ <https://zen.yandex.ru/media/id/5d8b4dde6f5f6f00b1c83982/bri-larson-samaia-populiarnaia-aktrisa-2019-goda-po-versii-imdb-gde-snimalas-chem-zapomnilas-lichnaia-jizn-5dea555e6e8ef00afe393ab> (дата обращения 07.12.2019). Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

Таблица 2

Сочетаемость разных по форме компонентов
пунктуационных знаков

Левый или нижний	Правый или верхний					
	Ø	Точка	Запятая	Горизонтальная черта	Вертикальная черта	Косая черта
Ø	пробел		(')			
Точка	.	: ...	?		!	
Запятая	,	;	“ ”			
Горизонтальная черта	- —			(=)		
Вертикальная черта						
Косая черта	/					(//)
Угол	<					« »
Дуга	(					

2) **парное тире** <– ____ –>, например: *У открытого окна, пристроив у ног чемодан и этюдник, сидел седой человек в светлом костюме. Он плакал. А чтобы этого никто не видел, он высунул голову в окно и незаметно –краем рукава– вытирал слезы* (В. Шукшин. Приезжий);

3) **слеш (слэш, дробь)** </>, < / >, например: *Культура как переход / перевод. «Небесное животное» Веры Павловой* ²⁶;

4) **дефис** <->, например: *Какой-то убогий, советских еще времен дерматин, дешевые алюминиевые накладные цифры, едва держащиеся на косо вкрученных шурупах* (С. Лукьяненко, В. Васильев. Дневной дозор).

Выразительность знаков типа черта обеспечивается протяженностью и положением.

Рассмотрим особенности использования ПЗ типа черта, обусловленные их формой, по отдельности.

1. **Тире**. Большим контекстом для тире является синтагма, в отличие от дефиса, большой контекст которого – слово. Основных функций у тире много, и они отличаются разнообразием. Покажу две, связанные с горизонтальной протяженностью тире, самой большой среди пунктуационных знаков – собственная длина плюс два пробела:

– заместительная при пропуске члена предложения, например: *Маша любит белые шары, а Таня – красные... (Таня любит красные шары ²⁷)*; ср., как бы выглядел здесь дефис: **Маша любит белые шары, а Таня-красные*;

– соединительная функция у Д. Э. Розенталя [1989. С. 85] (см. термин «соединительное тире») для обозначения пространственных, временных и количественных пределов, например: *поезд Москва – Владивосток, отпуска в июле – августе, рукопись объемом восемь – десять авторских листов*. Для цифровых обозначений Д. Э. Розенталь использует по умолчанию тире без пробелов (8–10, крестовые походы XI–XIII веков). Значение предела (маркер – подстановка предлогов *от* и *до*), выражаемое тире, автор отличает от значения приблизительного количества (маркер – подстановка

²⁶ <http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/article.php?id=517> (дата обращения 09.07.2019).

²⁷ Обратим внимание на то, что заместительное тире возможно только между малыми контекстами и невозможно в начале или в конце предикативной единицы.

союза *или*), обозначаемого дефисом, например: *уехал на два-три дня* [Розенталь, 1989. С. 85]. Артемий Лебедев предлагает заменить в числовых обозначениях длинное тире на короткое (n-dash) ²⁸.

Таким образом, не только наличие пробелов, но и большая длина тире способствуют использованию этого ПЗ в качестве заместителя объектов большой протяженности – опущенных лексико-синтаксических элементов или обозначаемых пространственных, временных, количественных интервалов.

2. Парное тире. Проблемы употребления парного тире похожи на проблемы парной запятой – низкая выразительность частей знака, а именно ненаправленность и наличие двух пробелов, что намекает на равноправие контекстов, которого изначально нет: один контекст вставлен в другой. Поэтому открывающее тире никак не отличается от закрывающего и от одиночного тире (см. ниже, п. 4.6.2), ср., например: *Мой друг – большой любитель вечерних прогулок – пошел из кафе домой пешком, хоть до дома было более 10 километров* и *Мой друг – большой любитель вечерних прогулок пошел из кафе домой пешком, хоть до дома было более 10 километров*.

3. Дефис. Большой контекст дефиса – слово, а малые контексты – части слова. Исключением является одиночное приложение, например: *ухарь-купец, друг-приятель*, а также сочетание с так называемым аналитическим прилагательным, например: *мини-юбка, президент-отель* [Ким, Гетьман, 2004. С. 68], – в этом случае малыми контекстами будут являться слова. То, что малыми контекстами для дефиса являются части слова или слова, подтверждается следующим контекстом, в котором представлен очень спорный случай употребления дефиса с префиксом *экс-*: **Здесь стоит признать работу нового тренера – экс-абсолютного чемпиона мира Константина Цзю* ²⁹. Префикс *экс-* присоединен не к слову, а к словосочетанию *абсолютный чемпион*, в котором главное слово находится в постпозиции. В результате создается загадочное слово *экс-абсолютный*.

Основная функция дефиса – показать наличие частей в составе целого. Дефис как знак, активизирующий представление о сложности понятия, очень любят философы, ср. философский термин *не-Я*,

²⁸ <https://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/158/> (дата обращения 11.11.2019).

²⁹ <http://newsru.com/sport/30sep2012/povetkin.html> (дата обращения 12.11.2012).

попавший даже в справочники по орфографии [Розенталь, 1989. С. 70].

4. **Слеш.** Суть выражаемого слешем отношения связана со скрытой нелинейностью письма. Диагональность слеша – это проекция вертикального отношения. Напомню, что вертикальность письма ограничивается пределами строки и небольшим расстоянием выше и ниже нее, в которых могут помещаться выступающие за пределы строки элементы графических знаков, а также диакритики. Это пространство – как бы завоеванное строкой у межстрочной пустоты, оно не мыслится без связи с частью знака, находящегося внутри пространства строки. Но некоторые отношения требуют вертикального расположения, показывающего то, что на одной пространственной позиции должны находиться два или более объектов. Эти отношения связаны с семантическими отношениями однородности, альтернативности, противопоставленности. В этом случае активно используются пунктуация и /или аналитические показатели связи, например запятая между однородными членами: *История рода, история села Чегем, история Абхазии и весь остальной мир, как он видится с чегемских высот, – вот канва замысла* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема). Однако в некоторых случаях альтернативность выражается с помощью слеша, например: *У меня складывается мнение, что у офф диллеров все всегда все в порядке с авто или пытаются развести на ненужную замену / ремонт агрегатов*³⁰. Расположение слеша по диагонали скрывает вертикальность отношения между соединяемыми контекстами, в данном случае словами (рис. 3).

$$\frac{\text{замену}}{\text{ремонт}} \rightarrow \text{замену/ремонт}$$

Рис. 3. Линейное (строчное) отражение
вертикального отношения однородных членов предложения
с помощью слеша

³⁰ <http://www.24auto.ru/forum/exchange/topic-105169-4.html> (дата обращения 18.03.2011).

В этом случае слеш заменяет союз *или*, однако способ обозначения отношения более выразителен, а степень близости между разделяемыми-соединяемыми элементами предложения чрезвычайно высока.

В следующем примере значение слеша более сложное, оно часто выражается лексико-пунктуационным комплексом *и/или*: «allowable 1. поин 1) то, что допускается, разрешается, считается приемлемым / законным» (Англо-русский словарь. 24-е изд. М.: Рус. яз., 1995).

Большим контекстом слеша может быть, как и у дефиса, слово, а может быть часть слова, например: *История премиального «штутгартца» схожа с собратом из Баварии. Много б/ушных машин на рынке, дорогой сервис, космические цены на оригинальные запчасти* ³¹.

Выразительность слеша позволила ему в 90-е гг. прошлого века расширить сферу употребления. Во многих случаях он заменяет дефис или разрывает части аббревиатуры: ВЧ ‘воинская часть’ воспринимается как единое слово, в то время как написание в/ч позволяет воспринимать это сочетание как просто сокращенное написание с сохранением самостоятельности обеих букв. И можно сразу оценить разницу между написаниями *любовь-ненависть* (единство) и *любовь / ненависть* (альтернатива), потому что дефис – горизонтальный знак соединения, а слеш – диагональный знак альтернативы. Особенно часто слеш использовался в газетных объявлениях о знакомстве или купле-продаже: *без в/п; ж/п обеспечен; из мест л/с (или даже м/л/с) не беспокоить(ся)*. Конечно, использование слеша из экономии места и денег в объявлениях, где каждое слово оплачивалось, – это крайность, но научиться употреблять слеш (и не употреблять его там, где он исказит или затемнит смысл) можно только понимая его формально-выразительную сторону.

Таким образом, слеш, как не отрефлектированный пунктуационной системой знак, обладает широкой сочетаемостью и произвольностью употребления, сочетаясь со словами, словосочетаниями, частями слова.

³¹ https://autorambler.ru/journal/most/sbitye-letchiki-avtomobili-katastroficheski-teryayuschie-v-cene-560996519/?utm_medium=rexchange&utm_campaign=40&utm_content=15379&utm_source=quto.ru (дата обращения 08.09.2016).

Большинство направленных знаков (одиночная скобка, апостроф, запятая, одинарные кавычки, кавычки-«лапки») имеют форму дуги. Из этих знаков только вариант кавычек «елочки» имеет угловую форму (подробнее см. п. 4.5).

4.3. Размерность

От размерности в первую очередь зависят перцептивные свойства ПЗ. Однако зависимость эта не прямая. Конечно же, двухмерные вопросительный знак и слеш обладают большей наглядностью, чем одномерные двоеточие, тире или многоточие и тем более чем точка или запятая нулевой мерности. В то же время двухмерность свойственна и алфавитным знакам, буквам. Это значит, что вопросительному знаку и слешу необходимы другие начертательные свойства, отличающие их от букв (см. гл. 2). Так, слеш отличается от букв формой черты (отрезка прямой), а вопросительный знак – наличием компонента нулевой мерности – точки.

В этом смысле лучшие перцептивные качества у одномерных ПЗ: двоеточия, тире, точки с запятой и др. Знаки нулевой мерности проигрывают им в этом отношении.

Так, синонимия запятой и тире (как одиночных, так и двойных) с наличием дополнительной экспрессивности у тире объясняется протяженностью (одномерностью) последнего и вследствие этого лучшей визуальной отдаленностью контекстов друг от друга, см., например: *Я потянулась через сумрак – из всех сил, даже заныло под лопатками* (С. Лукьяненко, В. Васильев. Дневной дозор) и *Я потянулась через сумрак, из всех сил, даже заныло под лопатками*. Уточняющее обособленное обстоятельство образа действия по правилам может отделяться парной запятой или парным тире, при этом выделение с помощью тире служит для подчеркивания смысла уточняющего члена предложения [ПАС, 2010. С. 251–252].

У двоеточия и точки с запятой, помимо одномерности, работает еще и вертикальность, визуально пересекающая линию движения взгляда. Вследствие этого они обладают более высокой отделяющей силой и имеют ограниченный круг функций. Так, Б. С. Шварцкопф вслед за Н. С. Валгиной пишет о сужении сферы действия точки с запятой до строго определенных позиций, из которых он называет две основных: разграничение частей сложного бессоюзного предло-

жения и характерная для делового и научного письма пунктуационная ситуация «перечисления» [Шварцкопф, 1988. С. 34]. Он также отмечает «резкость» членения текста точкой с запятой по сравнению с запятой [Там же].

Отметим одну особенность вертикальных знаков. Внутри предложения употребление вертикальных знаков в комбинации с выраженным направлением – точки с запятой, одиночной скобки и скобок – приводит к автономизации малых контекстов (для двухместных знаков внутреннего). Как уже говорилось, функция парной запятой – выделение. А эффект употребления у нее двойной: к расчленению конструкции и дезактуализации синтаксической связи добавляется еще и установление синтаксической связи помимо (через голову) выделенного языкового выражения. Аналогичная функция и эффект употребления наблюдаются у парного тире и скобок. Внутренняя область, ограничиваемая парным знаком, при этом в своем грамматическом поведении произвольна: синтаксическая связь изнутри выделяемой синтагмы может устанавливаться, но может и отсутствовать. Покажем это на примере скобок: *По характеристикам (тяга, пониженный расход топлива, увеличенный ресурс), двигатель должен был превзойти, не только все существующие на тот момент мировые аналоги, но и завоевать первенство в списке самого уникального авиационного двигателя на несколько десятилетий вперед*³². Ряд однородных членов *тяга, пониженный расход топлива, увеличенный ресурс* мог бы вступить в связь согласования с потенциальным обобщающим словом *по характеристикам*, однако автор предпочел изолировать этот ряд и грамматически, употребив существительные в нем в именительном падеже. Аналогичным поведением отличается употребление двоеточия, например: **Новые модели ZenBook, несмотря на скромные габариты, получили мощную начинку: процессор Intel Core восьмого поколения вплоть до модели i7, дискретная графика NVIDIA GeForce MX250 в моделях ZenBook 13 и 14, в то время как в ZenBook 15 установлена ещё более производительная NVIDIA GeForce GTX 1650 Max-Q*³³.

³² <https://zen.yandex.ru/media/id/5c4b5a8a6e808000ada97bc8/nk93-aviadvigatel-buduscego-ostalsia-v-proshlom-5ca6f84c3a701000b5c37449> 17.04.2019 (дата обращения 17.04.2019).

³³ <http://4pda.ru/2019/09/25/362019> (дата обращения 26.09.2019).

Интересна возможность интерпретации выражения *процессор Intel Core восьмого поколения вплоть до модели i7*. Его главным компонентом является неодушевленное существительное мужского рода второго склонения в именительном / винительном падеже, которое сначала воспринимается как согласованное в падеже с существительным *начинку*, стоящим в винительном падеже. Но употреблением следующего однородного члена предложения *дискретная графика NVIDIA GeForce MX250 в моделях ZenBook 13 и 14* автор окончательно интерпретирует форму падежа существительного *процессор* как именительный. Если бы было употреблено существительное второго склонения, то двусмысленность бы сохранилась, однако более правдоподобной интерпретацией был бы винительный падеж, поскольку тестовой формой стала бы форма существительного *начинку*.

Как уже отмечалось (п. 3.2), горизонтальность и вертикальность одномерных знаков создают важную оппозицию, которая связана с различием двоеточия как разделяющего знака (знака прерывания) и тире как соединительного знака (знака продолжения). Именно это противопоставление, лежащее за пределами статики текста, может служить для объяснения схожести их употребления во многих контекстах, которая создает ощущение едва ли не синонимии, а также экспансию тире, которую отмечает Б. С. Шварцкопф [1988. С. 36].

Таким образом, перцептивно наиболее выразительными являются одномерные знаки, которые не сливаются с буквами, но зрительно хорошо различимы.

4.4. Уровень знаков.

Сигнификативно и перцептивно сильные позиции для невертикальных знаков

Уровень невертикального ПЗ существен с функциональной точки зрения. Покажем это при описании конкретных уровней.

4.4.1. Знаки нижнего уровня

Наиболее значимым является нижний уровень, хотя в выразительности он проигрывает знакам среднего уровня, лежащим на воображаемой линии движения глаз при чтении. С этим, кстати, мож-

но связать употребление прописной буквы в начале предложения: точка, не являясь достаточно выразительным средством, не может самостоятельно сигнализировать границу предложений. То, что точка – перцептивно слабый знак, подтверждается следующим примером, в котором отсутствует орфографическое выделение начала следующего предложения: *Анастасия // автор, вы не неженка. мне кажется это возрастное. я в институте училась на факультете кибернетики. недавно вспоминала как бегала между корпусами с сумкой с ноутбуком и спортивной формой, выходила на полтора часа раньше и перекусывала на бегу бергерами и шоколадками. спустя два года и две работы: первая была рядом с домом, вторая на транспорте, я поняла, что ненавижу общественный транспорт, и машины, стоящие в вечной пробке тоже ненавижу, и людей, которые вечно куда-то едут, даже, если я выхожу позже на час, тоже ненавижу. не знаю как я терпела все это раньше. по привычке наверное. сейчас есть возможность работать из дома и у меня и у моих коллег, но все упорно приходят. говорят, что дома не работается. все медленно и настрой не тот. я работала дома пару раз. нормально поработать получилось только раз на протяжении недели, но уходил на это весь день. было в радость, но не выходить из дома неделю это как-то удручает. пока пишу это хочу спать и думаю снова поработать из дома. но боюсь, что просплю все на свете) к хорошему быстро привыкаешь*³⁴.

Как видим, без прописной, маркирующей начало следующего предложения, и абзацных отступов точка конца предложения не справляется со своей функцией. Это связано с небольшим количеством маркирующих дифференциальных признаков, что обуславливает слабую выразительность знака.

Значимость, разделительная сила знаков нижнего уровня сопоставима со значимостью вертикальных знаков. Отличие состоит в том, что основные знаки нижнего уровня – точка и запятая, как перцептивно менее сильные и менее выразительные, являются и менее специализированными знаками. Так, точка является знаком произвольного конца контекста, но проигрывает восклицательному и вопросительному знакам как знакам, несущим дополнительную

³⁴ <https://zen.yandex.ru/media/korea/ne-hochu-vozvrascatsia-v-ofis-ia-uje-i-zabyla-kakovo-eto--ehat-v-metro-v-chaspik-5dc0097fb477bf00ae99b187> (дата обращения 10.11.2019).

коммуникативную информацию (эмоциональность-экспрессивность и вопрос).

Причина максимальной значимости у ПЗ нижнего уровня лежит за пределами пространственных свойств. Ее объясняет кинематическая природа письменной формы языка. В данном случае движение руки как бы воспроизводит движение тона голоса. Точка – знак нижнего уровня – результат нисходящего движения руки, т. е. знак понижения тона в конечной синтагме, характеризующейся максимальной коммуникативной значимостью [Ковтунова, 1976]. Пространственно же это никак не обнаруживается, поскольку только самая последняя стадия нисходящего движения руки оставляет след (более подробно см. в п. 3.2).

4.4.2. Знаки среднего уровня

На втором месте по значимости находится средний уровень. ПЗ среднего уровня находятся непосредственно на линии движения взгляда по строке. Таким образом, помещение знака препинания на середину поля знака делает его более заметным. С другой стороны, динамика движения взгляда предполагает своеобразное «скольжение» взгляда вдоль горизонтального знака среднего уровня, что позволяет использовать такие знаки как знаки соединения, особенно в сочетании с протяженностью, обеспечиваемой формой черты. Поэтому частота употребления в соединительной и разделительной функциях у дефиса и тире сопоставима. Более того, лингвистами их функция и определяется как соединительно-разделительная (разделение + связь) [Шварцкопф, 1988. С. 25; Ким, Гетьман, 2004. С. 70].

Б. С. Шварцкопф, однако, определяет функцию разделения и связи как основную для одиночных знаков препинания, действующих внутри предложения, что означает отсутствие, с его точки зрения, у одиночного тире каких-либо отличий в этом отношении от знаков нижнего уровня и вертикальных знаков.

Функция разделения и связи присуща дефису во многих случаях: при делении слова на слоги (*Мо-лод-цы! Ду-рак!*), при использовании в качестве «границы частей иностранного сочетания слов, заимствованного как целое слово» (*а-капелла, ва-банк* и др.); для «разрешения нетипичной графической ситуации» (*Комсомольск-на-Амуре, мать-и-мачеха*); в качестве «маркера контраста» (*15-про-*

центный, 7^{1/2}-летние дети) [Ким, Гетьман, 2004. С. 70–72]. Функция знака переноса графического слова в физическом конце строки на следующую строку у дефиса является исключительно соединительной, поскольку разделение графического слова в этой позиции является объективным фактом и никак не может являться прерогативой дефиса.

4.4.3. Знаки верхнего уровня

Наиболее слабым и перцептивно, и сигнификативно представляется верхний уровень, который содержит знаки, вообще не имеющие функции границы: апостроф, выступающий знаком контраста, однокомпонентные кавычки, обозначающие лингвистическое толкование, и, в варианте «лапки», двухкомпонентные кавычки, также не имеющие функции указания на синтаксическое членение и поэтому при отсутствии других знаков препинания (как правило, тире, двоеточия + тире или парного тире) надстраивающиеся над уже имеющимися синтаксическими отношениями (ср. [Чайковская, 1988]).

Ср. употребление апострофа в функции контраста: *Наиболее известной компанией, выпускающей на российском рынке смартфоны и ноутбуки, является Rover. Думаю, не надо лишний раз говорить о том, что особой народной любви эта компания так и не завоевала. Но вполне возможно, что **Rover'y** следует рискнуть и попробовать поймать новую волну, которая на данный момент, в общем-то, недалеко ушла от фазы зарождения*³⁵; *Оверклокер-энтузиаст из России под ником Remarc установил новый рекорд в области разгона бюджетного процессора AMD A10-7860K. Четырёхъядерный чипсет имеет базовую тактовую частоту в 3,6-4,0 ГГц, однако **Remarc'y** удалось заметно превзойти эти показатели*³⁶.

Функцию контраста, не разрушая синтаксических связей, но показывая чужеродность выделяемого контекста, выполняют и кавычки, которые могут употребляться как в форме «елочек», так и в форме «лапок». Эти формы распределены между печатной

³⁵ <http://www.cyberstyle.ru/publications/view/357/editorial-opinion-Android-.html> (дата обращения 13.04.2019).

³⁶ <https://4pda.ru/2017/10/11/347285?salt=1507711744957> (дата обращения 15.10.2017).

и письменной практикой; кроме того, в печатной практике кавычки-«елочки» закреплены за русскоязычной зоной текста, а кавычки-«лапки» – за англоязычной, ср., например, название научной статьи на русском языке и на английском: *Об электронном издании рукописной «Повести о Лабеле и звере» (1758): первый русский перевод сказки «Красавица и зверь» на демонстрационном портале платформы TXM* (Сибирский филологический журнал, 2019. № 1. С. 54) и *“The Story of Labelle and the Beast”: a digital edition of a manuscript the first Russian translation of the “Beauty and the Beast” fairy-tale powered by the TXM demo portal* (Сибирский филологический журнал, 2019. № 1. С. 60). Практика использования кавычек в текстах и частях текста на других языках, часто отличная от русско- и англоязычной, ограничивается гораздо более редким использованием этих языков в отечественной печати и письме.

Функцию контраста выполняют и одинарные кавычки, однако их статус в русской пунктуации довольно неопределен, в силу чего они используются в следующих функциях:

1) как знак контраста между элементами объект-языка и мета-языка, например: *Итак, можно выявить следующие метафорические значения и оттенки значений глаголов обонятельного восприятия и их дериватов и аналогов в славянских языках. 1. ‘Узнать, разузнать (обычно скрываемое, тайное), выслеживать. Прилагать некоторые усилия для получения информации’* (Сибирский филологический журнал, 2019. № 1. С. 206). Закавыченное толкование встроено в общий авторский текст, одинарные кавычки служат исключительно для фиксации того, что это элемент толкования, инородный элемент. Одинарные кавычки – знак контраста;

2) комбинированно как знак контраста и как знак выделения, например: – *Я начальник отряда... в экспедиции, – сказал (Pr) он [Лобышев; S1] Ø ‘девушке’ (S2)* (Сибирский филологический журнал, 2019. № 1. С. 222). Словоформа *девушке* не является частью анализируемого предложения *Я начальник отряда... в экспедиции, – сказал он*. Этот элемент является одновременно и фактом метаязыка (экспликацией незамещенной позиции), и комментирующей частью текста, которую необходимо поместить в скобки. Направленность одинарных кавычек и наличие системного пробела снаружи у обеих частей знака позволяет использовать одинарные кавычки и как своеобразные верхние скобки.

Таким образом, ПЗ верхнего уровня, подобно диакритикам, в основном только модифицируют отношения между контекстами употребления, фиксируя контраст между разнородными элементами текста.

4.5. Направленность и место пробела

Направленность ПЗ оформляется в виде дуги или угла, ориентированных горизонтально. С одной стороны, это очень важный намек на наличие пространства за пределом строки. Мы видим, что дугообразные элементы частично выходят за пределы строки. Но, поскольку за пределами строки пространство номинально не существует (отсюда выражение *читать между строк*, т. е. понимать то, что не написано, но подразумевается, ср. также *подтекст*), разрешены только намеки. С другой стороны, направленность показывает сферу действия ПЗ, зависимый, подчиненный контекст.

Рассмотрим, какой образ «междустрочия» создается направленными знаками (стрелками показано визуальное продолжение дугообразных компонентов за пределами строки):

Одиночные ПЗ:

одиночная скобка	↵1)
запятая	Однажды, выйдя...
апостроф	↵д'Артаньян

Парные ПЗ:

парная скобка	Пример (↗2↖-↗2↖)
одинарные кавычки	‘↗девушка↖’
кавычки-«елочки»	↗«девушка»↖
кавычки-«лапки»:	“↗девушка↖”

Воображаемое продолжение изгибов-«намеков» показывает, как формируется сфера действия направленных знаков. У одиночных знаков она оказывается слева, а у парных знаков – во внутренней области. Длина сферы действия одиночных знаков визуально не маркируется, можно предположить, что потенциально она прости-

рается до ближайшего пунктуационного знака. Длина сферы действия парного знака ограничена второй частью парного знака.

Воображаемое продолжение одиночной скобки показывает, почему она употребляется, как правило, в начале строки и/или после двоеточия и во всех случаях в сочетании с буквенными или цифровыми индексами, не вступающими в связь с организуемым ими текстом: отсутствие второй скобки не позволяет показать левую границу сегмента, отделяемого одиночной скобкой, поэтому с ее помощью отделяется элемент, выпадающий из связного текста и выполняющий метатекстовую функцию.

Выразительность знаков типа «дуга» усиливается наличием пробела только с выпуклой стороны знака. Это создает эффект охватывания таким знаком зависимого контекста.

Показательны реальные случаи неканонического использования пробела при ПЗ. Чтобы воочию убедиться в том, какую важную роль играет место пробела в восприятии ПЗ и его контекста, приведем пример последовательного использования пробела перед ПЗ: *Разница очень большая. Плющенко ,как настоящий артист ,показал номер и с ним лично ,его номер никто не ассоциирует ,во всех странах ,этот номер прошёл на ура !Лиза сама подавала себя ,как ассоциацию с этим показательным*³⁷.

Обратим внимание на то, что, разорвав с помощью пробела восклицательный знак и предшествующий контекст, автор лишает тем самым этот контекст повышенной эмоциональности. А пространственное сближение с последующим контекстом, наоборот, заставляет и читателя связать со знаком последующий контекст. Наличие пробела слева помогает запятой, открывающей сравнительный оборот ,*как настоящий артист*. Ср. также: *Молодец девочка ,умыла трупоедов!*³⁸. Такой постановкой запятой акцентируется не первый, а второй из равноправных контекстов. А вот пример последовательной постановки ПЗ с двумя пробелами: *Гость <...> // Извечное заблуждение , что декабристы затевали всё , заботясь о судьбе крестьянства . Они и солдат своих , вовлекая в заговор , считали полным быдлом , дебилами , подсовывая для , якобы , упрощённого*

³⁷ https://www.sports.ru/figure-skating/1076213252.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения 13.07.2019).

³⁸ <https://zen.yandex.ru/media/pessimist/molodec-devochka-umyla-trupoedov-5d8b154ea3f6e400ad1008c1> (дата обращения 27.09.2019).

понимания , самопальные " катехизисы " . Аналогично , война Северных и Южных Штатов велась , якобы , для освобождения негров , БРЕД ! ³⁹.

4.6. Одно- / двухместность. Специфика парных знаков

Б. С. Шварцкопф разделил одностепенные (одиночные) и двухместные (парные) ПЗ по их функции, приписав первым функцию разделения в сочетании с функцией связи, а вторые определив как знаки выделения [Шварцкопф, 1988. С. 25–27]. Таким образом, одиночные знаки отражают равноправие контекстов, а парные – их неравноправие, подчиненность внутреннего контекста внешнему.

Возвращаясь к параметру направленности знака и места пробела (п. 4.5), отметим разное поведение одиночных и двойных направленных знаков. Одиночные направленные и ненаправленные знаки отделяют левый контекст (кроме тире, если брать знаки, большим контекстом для которых выступает синтагма, а не слово), например: Здесь же я – один-одинешенек, под руками у меня мучающаяся женщина; за нее я отвечаю. Но как ей нужно помогать, я не знаю, потому что вблизи роды видел только два раза в своей жизни в клинике, и те были совершенно нормальны (М. Булгаков. Крещение поворотом). Парные же знаки отделяют внутренний контекст, который в идеале помещается внутри внешнего, например: Сегодня во время антракта на приеме, когда мы отдыхали и курили в аптеке, фельдшер, крутя порошки, рассказывал (почему-то со смехом), как одна фельдшерица, болев морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки (М. Булгаков. Морфий). Как мы видим, такой контекст является подчиненным, зависимым, назовем его младшим.

Такой зависимый контекст пространственно может располагаться слева или справа от второго, старшего контекста, например: Когда мы отдыхали и курили в аптеке, фельдшер, крутя порошки, рассказывал (почему-то со смехом), как одна фельдшерица, болев морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки или Сегодня во время антракта

³⁹ https://www.wday.ru/stil-zhizny/kultura/tri-mifa-o-vosstanii-dekabristov/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 10.12.2019).

на приеме, фельдшер, крутя порошки, рассказывал об одной фельдшерице, когда мы отдыхали и курили в аптеке. Ср. также *(Почему-то со смехом) фельдшер, крутя порошки, рассказывал, как одна фельдшерица, боля морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки и Фельдшер, крутя порошки, рассказывал, как одна фельдшерица, боля морфинизмом и не имея возможности достать морфий, принимала по полрюмки опийной настойки (рассказывал почему-то со смехом). В этом случае мы сталкиваемся с серьезной проблемой. В принципе, и при таком пространственном положении старшего и младшего контекстов должна ставиться вторая часть парного знака, для положения младшего контекста слева – открывающая, для положения младшего контекста справа – закрывающая. Однако реальность оказывается более сложной.

Во-первых, нет специализированной открывающей запятой (см. об этом п. 4.6.1). Открывающая запятая по признакам направленности и положения пробела аналогична одиночной запятой и закрывающей запятой.

Во-вторых, в начале предложения невозможны никакие пунктуационные знаки, кроме открывающей кавычки и начального (открывающего) типа при оформлении прямой речи.

В-третьих (и это может объяснить запрет на начальные знаки препинания), есть ограничения комбинаторики знаков препинания: в частности, большинство из них должны примыкать к левому контексту, а в начале предложения ближайшим слева знаком является точка или другой знак конца предложения, которые имеют ограниченную сочетаемость с другими ПЗ.

Конечное положение младшего контекста ПЗ более удобно для постановки закрывающих знаков. Однако в этом случае соседство с точкой или другим знаком конца предложения также нейтрализует одиночные и парные ПЗ.

Как было показано выше, нейтрализация вызывается позиционными причинами. Во-первых, она определяется комбинаторикой ПЗ. В пунктуационной литературе контактное взаимодействие знаков с элиминацией одного из них называется поглощением (ПАС. §§ 154–163). Запятая «поглощается» любым вертикальным знаком или знаком нижнего уровня: точкой, двоеточием, вопросительным или восклицательным знаком. Исключение составляет многоточие,

которое факультативно комбинируется с запятой. Во-вторых, и положение зависимой синтаксической единицы в абсолютном начале или конце предложения (перед главной синтаксической единицей или после нее) порождает отсутствие словесного контекста, требующего отделения от зависимой синтаксической единицы.

Нейтрализация порождает «гипер»-знак, вбирающий в себя соответствующий парный или одиночный знак. Областью нейтрализации для одиночных и парных знаков являются одиночные реализации парных знаков:

– одиночная запятая – закрывающая запятая, например: {,} ⁴⁰ Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было (В. Шукшин. Приезжий); ср.: Он, конечно, приукрасил, наверно, но это же было;

– одиночная запятая – открывающая запятая, например: Сейчас я только понимаю, что я тебе нужна {,} (Приезжий); ср: Я понимаю, что я тебе нужна, только сейчас;

– одиночное тире – открывающее тире, например: [Arkan*ru, муж] { – } Конечно – интересно, иначе не влез бы в тему :))))))))) (коллективный. Инвестиции в сельское хозяйство. Начало)) (2014–2015). – Национальный корпус русского языка); ср.: ² Очень – конечно – интересно, иначе не влез бы в тему :))))))))) ;

– одиночное тире – закрывающее тире, например: Не зло съязвил, легко – от избытка доброй силы { – } (В. Шукшин. Шире шаг, маэстро!); ср.: Не зло, легко – от избытка доброй силы – съязвил;

– одиночное двоеточие – двоеточие с закрывающим тире, например: Популярного исполнителя и композитора Левона Оганезова можно встретить везде: на различных артистических площадках, в многочисленных телевизионных проектах, на вечерах Иосифа Кобзона и Владимира Винокура, в концертах Зураба Соткилавы и в качестве импровизатора в "Белом попугае" { – }... (Тамара Клейман. Левон Оганезов: Когда я вернулся, у меня не было ни квартиры, ни адреса (2002) // «Вечерняя Москва», 16.05.2002 – Национальный корпус русского языка); ср.: Везде: на различных артистических площадках, в многочисленных телевизионных проектах, на вечерах Иосифа Кобзона и Владимира Винокура, в концертах Зураба Соткилавы и в качестве импровизатора в "Белом попугае" –

⁴⁰ Здесь и далее в фигурных скобках указывается отсутствующая потенциальная вторая часть парного знака.

можно встретить популярного исполнителя и композитора Левона Оганезова.

Таким образом, парные ПЗ оказываются довольно абстрактными графическими знаками, допускающими нулевую реализацию одной из частей.

4.6.1. О форме открывающей запятой⁴¹

Как уже отмечалось (п. 3.1), одной из самых частотных и самых трудно исправляемых пунктуационных ошибок является пропуск закрывающей части парной (двухместной) запятой. При этом пропуск закрывающей скобки или кавычки является довольно редким явлением и не выглядит грубой ошибкой, считается проявлением скорее невнимательности, чем неграмотности. А вот не поставленная в нужном месте закрывающая запятая может привести к существенному снижению балла ЕГЭ по русскому языку.

Проблема закрывающей запятой действительно сложна. С ней, как ни странно, не справляются и более квалифицированные авторы и редакторы текстов, чем ученики и абитуриенты. Мне случалось находить не закрытые запятой обособленный оборот, вводное предложение или придаточное внутри главного в диссертациях, причем филологических. Могу заметить, что не раз замечал отсутствие закрывающей запятой в собственном конспекте (это хотя бы не стыдно) или даже в статье.

Приведу несколько примеров из публикаций в Интернете и печати: *Некоторые их [скинхедов] лидеры открыто говорят, что выполняют заказ "больших дядь" из Государственной думы_ да еще "намекают", что в Кремле поддерживают их планы* (Аргументы и факты, 2002. № 17); *Места очень много, короче_удобно вполне*⁴²; *Говорил, что в США и того и другого больше, чем у нас в нашем городке_и больше, чем в самой Москве, куда для наших попасть, это предел мечтаний*⁴³.

⁴¹ Печатается с существенными изменениями по [Ким, 2002б].

⁴² <https://zen.yandex.ru/media/yanlaros/na-pervom-reise-komety-v-krymu-passajiram-stanovilos-ploho-5b6845babf9fcb00a8c9f9a0?from=feed> (дата обращения 10.08.2018).

⁴³ <https://zen.yandex.ru/media/1455/moi-drug-vstretil-nashego-zemliaka-v-niuiorke-chinovnik-trebovavshii-na-rodine-vziatki-stal-bomjom-i-prosit-milostyniu-5cac6a15d1ee8800af64f92a> (дата обращения 10.04.2019).

Показанные факты говорят о том, что дело не в неспособности некоторых пишущих опознать конструкцию; корни проблемы лежат глубже, и даже блестящее знание синтаксиса и правил пунктуации не спасает от ошибки. В чем ее механизм?

Способ обучения пунктуации с опорой на синтаксис во многих случаях плодотворен. Неумение различить сложносочиненное предложение с союзом *И* и однородные сказуемые с тем же союзом обязательно приведет к ошибке. Однако для парной запятой одного знания синтаксиса оказывается недостаточно. Да, хороший ученик и взрослый пишущий со сформированным пунктуационным навыком знает, где начинается вводное слово или обособленное определение, и поставит там запятую. Но к моменту, когда выделяемый сегмент кончается, от постановки закрывающей запятой его отвлекает масса других забот и другой нужной информации. И в тексте нет дополнительного сигнала, который напоминал бы ученику и любому другому пишущему, что вводное слово или оборот надо закрыть. На открывающую запятую хватает внимания, а на закрывающую – уже нет. Несформированный навык приводит к тому, что школьник в тесте или участник «Тотального диктанта» не видит пропуск именно закрывающей запятой.

Значит, одного знания синтаксических конструкций, в которых используется парная запятая, мало для формирования навыка ее постановки.

Есть ли эффективные методики, позволяющие научить школьника или иного пишущего «не терять» закрывающую запятую?

Знание формальных признаков пунктуационных знаков может помочь в решении этой задачи.

Действительно, пишущие реже «теряют» закрывающую скобку, чем закрывающую запятую. Понятно, что скобки и встречаются реже, но даже в пересчете на проценты получается, что закрывающая запятая теряется чаще.

Объясняется это тем, что открывающая скобка своей формой, своим **внешним видом** показывает, напоминает, что где-то впереди в пределах предложения должна быть закрывающая скобка. И именно потому, что концы открывающей скобки направлены вправо, а закрывающей – влево, т. е. обе скобки охватывают выделяемую часть текста. Открыв скобку, мы мысленно как будто продолжаем ее изгиб над и под строкой, охватывая сверху и снизу выделяемый фрагмент текста в «кружок», например:

Некоторые определения стоящие после определяемого слова выделяются скобками.

Но поскольку пространство за пределами строки для знаков письма является запретной зоной, продолжение линий не изображается, а домысливается. Если предположить, что зрительный образ скобок иной, направление их концов было бы произвольным.

Открывающая запятая не напоминает о существовании впереди закрывающей запятой и даже все путает своим внешним видом, потому что нижняя часть запятой, и открывающей, и закрывающей, и одиночной, направлен влево. Это значит, что по внешнему виду мы не сможем отличить открывающую запятую от закрывающей и одиночной. Поэтому она не может быть сигналом начала выделяемого фрагмента текста. И самое главное, продолжение ее хвостика уводит читателя влево, в часть текста, от которой она отделяет выделенный парной запятой фрагмент, например:

Некоторые определения, стоящие после определяемого слова, выделяются запятыми.

Получается, что функцию знака начала выделяемого фрагмента открывающая запятая выполняет только наполовину: она стоит в месте, где начинается этот фрагмент, но направлением своего конца уводит читателя от него. На самом деле она выполняет свою функцию всего лишь на треть. Для этого достаточно посмотреть на то, как расположены пробелы при парных скобках и парных запятых.

У закрывающей скобки и закрывающей запятой пробел стоит справа (сравните и направление – оно у них тоже одинаково). А вот у открывающей скобки пробел находится слева. Это еще один способ показать, какой фрагмент выделяется – тот, который примыкает к скобке. Совсем другая картина с запятой: пробел у открывающей запятой находится справа. Снова проблема: и по месту пробела открывающую запятую невозможно отличить ни от закрывающей, ни от одиночной. Поэтому пишущий не понимает, какое действие он совершает с помощью неспециализированной запятой: отделяет фрагменты предложения друг от друга, начинает выделение или заканчивает его.

Как показывает наш анализ **формы знаков препинания**, внешний вид открывающей запятой – вечный источник пунктуационной ошибки. Решить эту проблему можно двумя путями – законодательным и методическим. И в том и в другом случае нужно изменить форму открывающей запятой. Опять же исходя из нашего анализа она должна писаться «хвостиком» вправо, чтобы показывать, что выделяется фрагмент текста, расположенный справа от нее, а пробел должен находиться слева от запятой, как у открывающей скобки. Приблизительно так:

Некоторые определения ,стоящие после определяемого слова, выделяются запятыми.

По виду такая запятая будет похожа на очень маленькую открывающую скобку, опущенную в самый низ строки, как, например, нижний индекс. Аналогия неточна, потому что у запятой утолщение («капля») находится сверху, а у скобки (если она исполнена пером или шрифтом, имитирующим перо, например «Таймс») – посередине. Но здесь более важен общий зрительный образ: теперь запятые охватывают выделяемый текст, а продолжение их «хвостиков» замыкает его снизу, а не с двух сторон, как у скобок.

Законодательно можно было бы ввести такой знак в русскую графику, но понимаю, сколько проблем это создает. Во-первых, это потребует решения на самом высоком уровне. А мы видим, что гораздо менее радикальные изменения, не претендующие на введение нового знака, вызывают общественную бурю, сопоставимую с парламентским кризисом. Во-вторых, это приведет к изменению состава письменных знаков, перекодировке компьютерных шрифтов, что предполагает большие, прежде всего финансовые, затраты. И в-третьих, это повлечет за собой значительные изменения в пунктуационных правилах. Например, что делать, если открывающая запятая встречается с одиночной запятой, поставленной в связи с действием другого правила? Сейчас на их месте ставится одна запятая, потому что у той и другой одинаковая форма. Разная форма открывающей и одиночной запятой потребует постановки обеих или другого приемлемого решения. И таких случаев не один и не два.

Поэтому возможно менее радикальное **методическое** решение: использование новой формы открывающей запятой как обучающего

и вспомогательного средства: она проставляется карандашом, а затем, после окончательной проверки или в чистовом варианте, стирается, предварительно замененная на «нормальную» запятую.

Таким образом, системно-формальный, пространственный подход к парным ПЗ может разрешить некоторые нормативные коллизии (подробнее об ортологической стороне пунктуации см. ниже, в гл. 6).

4.6.2. Одиночные и парные пунктуационные знаки: зона неразличения⁴⁴

Способность парных пунктуационных знаков к реализации в одиночном варианте, т. е. к нейтрализации с одиночными знаками, приводит к тому, что пишущий смешивает их в разных условиях употребления.

Главной предпосылкой смешения одиночных знаков с частями парных знаков является формальное тождество одиночного тире < – > и правой или левой частей парного тире < – __ – >, одиночной запятой < , > и левой или правой частей парной запятой < , __ , >, одиночного двоеточия < : > и правой части парного знака «двоеточие – тире» < : __ – >, а также одиночной скобки < () > и закрывающей части парной скобки < (__) >.

В основе тождества одиночного тире и частей парного тире лежит симметрия тире как фигуры, отсутствие у него направленности и наличие пробелов с обеих сторон. В основе тождества одиночной запятой и частей парной запятой лежит то, что открывающая запятая не аналогична открывающей скобке направлением вправо, а не влево, как у скобки (см. выше, п. 4.6.1). С другой стороны, визуальное различие левого тире и левой запятой с соответствующими одиночными знаками все равно не исключило бы полного формального тождества одиночной запятой и одиночного тире соответствующим закрывающим знакам.

Однако визуальная, формальная сторона неразличения влечет за собой проблемы функционального характера.

С функциональной точки зрения нужно различать нейтрализацию одиночных и парных знаков и их неразличение.

⁴⁴ Впервые опубликовано в [Ким, 2019a].

Неразличение одиночного и парного ПЗ – это отсутствие одной из частей парного знака, например: *Американцы, при всей своей технической оснащённости(,) нормально (по ростовым мишеням, расставленных на полигоне) стали попадать только на расстоянии менее шести ста метров. И то, через раз*⁴⁵. Теоретически возможна, но мной не отмечена постановка открывающей или закрывающей частей знака в ситуации, когда должен ставиться одиночный знак.

Как мы знаем, чаще опускается закрывающая запятая, поскольку начало придаточной предикативной единицы, вводного компонента или обособленного члена предложения контролируется пишущим, причем пунктуационную ситуацию он считает уже разрешенной, поэтому не фиксирует конец выделяемого оборота или предикативной единицы. Тем не менее встречается и отсутствие открывающей части парной запятой. Приведу интересные данные по онлайндиктанту (текст П. Басинского «Божий странник»)⁴⁶: *Он шёл полями с шести утра до полудня. К двенадцати часам сомлел от солнца, а оно, прощаясь с летом, светило особенно жарко, и свернул к берёзовой посадке, росшей вдоль глубокого оврага.* На этом ресурсе производилась автоматическая обработка ошибок. Перед деепричастным оборотом *прощаясь с летом* запятая не была поставлена в 12 случаях, а после оборота – только в 5 случаях. Таким образом, открывающая запятая отсутствовала более чем в два раза чаще, чем закрывающая.

Неразличение одиночного и парного ПЗ связано с отсутствием системного подхода в преподавании пунктуации в начальной и средней школе. Абстрактность парного знака приводит к тому, что в одной и той же пунктуационной ситуации (наличия зависимого полупредикативного или предикативного элемента, например обособленного определения или придаточной части) в зависимости от положения подчиненного компонента относительно главного компонента могут реализоваться полноценный, парный, и неполный, одиночный, варианты парного ПЗ. Такая абстрактность, сравниваемая с абстрактностью других языковых единиц, например фоне-

⁴⁵ <https://zen.yandex.ru/media/politariumm/russkii-snaiper-by-l-udivlen-vidia-kak-rabotaiut-amerikancy-na-snaiperskih-sborah-vo-francii-5c8b5b42211f3d00b3fde40d> (дата обращения 15.03.2019).

⁴⁶ <https://teacher.dict.nsu.ru>

мы, составляет скорее не теоретическую, а дидактическую проблему, связанную с возрастными ограничениями сознания учащихся младшей и средней школы. Школьная дидактика в связи с этим перераспределяет функции одиночного и парного ПЗ, утверждая, что при положении зависимого выделяемого компонента в начале и в конце предложения используется одиночная запятая, а при положении в середине – парная запятая. Потери от такого подхода очень серьезны и не покрываются его единственным удобством – соответствием здравому смыслу. У школьников разрушается представление о распределении функций одиночных и парных знаков и, соответственно, упорядоченности, системности русской пунктуации. Следствием неразличения становится пропуск одной из частей парного ПЗ, который в ряде случаев существенным образом влияет на членение и понимание текста.

Влияние на понимание текста в случае неразличения связано с тем, что у пунктуационных знаков есть не только функция, определяемая коммуникативным замыслом автора, но и производимый эффект, возникающий как следствие применения знака.

Рассмотрим функции и эффект употребления запятой.

Функция одиночной запятой – отделение, разделение элементов синтаксической конструкции. Использование запятой приводит к важному эффекту – графическому расчленению синтаксической структуры, результатом которого становится распадение на отдельные синтагмы ее левого и правого элементов, синтаксическая связь между которыми ослабляется. В некоторых случаях расчленение приходится на элементы, которые не связаны между собой тесной связью. В этом случае эффект соответствует функции (ожиданию), например при постановке запятой между частями сложного предложения или между однородными членами. Если же запятая разделяет главный и зависимый элементы присловной синтаксической связи, это приводит к ее дезактуализации, отсутствию возможности попасть в смысловой центр высказывания или предикативной единицы.

Рассмотрим пример использования лишней запятой: *Как и многие другие балерины(,) Миа Васиковска пришла в кино,(Ø) из-за тяжелой травмы, которая больше не давала возможности про-*

*фессионально заниматься балетом...*⁴⁷. В данном случае отсутствует одиночная реализация парной запятой после сравнительного оборота, однако поставлена запятая перед предложно-падежной группой *из-за тяжелой травмы*, которая может интерпретироваться как не вполне уместное выделение уточняющего оборота (одиночная реализация парного знака, выделяющая конечный зависимый элемент), однако в данном случае можно понимать ее и как неуместную и немотивированную одиночную запятую. Сравнительный оборот, имеющий подчиненный характер, относится к следующей за ним синтагме. Запятая оторвала обстоятельство причины от предикативной основы предикативной единицы, выделив его в самостоятельную синтагму, поэтому исказился смысл сравнительного оборота: ‘многие другие балерины пришли в кино’ вместо ‘многие другие балерины пришли в кино из-за тяжелой травмы’. Отсутствие запятой перед обстоятельством причины позволило бы актуализировать причинно-следственную связь, спроецировать ее на семантику сравнительного оборота.

Как уже говорилось, функция парной запятой – выделение. А эффект употребления у нее двойной: к расчленению конструкции и дезактуализации синтаксической связи добавляется еще и установление синтаксической связи помимо (через голову) выделенного языкового выражения. Аналогичная функция и эффект употребления наблюдаются у парного тире и скобок. При этом изнутри выделенного фрагмента формальные признаки синтаксической связи могут присутствовать, а могут и отсутствовать. Наиболее ярко это видно при употреблении скобок, например: *Для описания действительности и более точного и понятного изложения мысли автор вынужден иногда перебивать ход основного повествования различными вкраплениями из дополнительных элементов (пояснение, уточнение, приведение примеров и т. п.)*⁴⁸. Происходит автономизация выделенной части (которую мы можем оценить как ряд уточняющих однородных членов или как серию однородных членов с обобщающим словом *из дополнительных элементов*), и автор вместо согласования однородных членов с обобщающим словом

⁴⁷ <https://zen.yandex.ru/media/filmoscop/krasivye-professionalnye-baleriny-kotorye-stali-izvestnymi-gollivudskimi-aktrisami-5c3350dfa2966000aa0ddd1f> (дата обращения 31.01.2019); в круглых скобках помещается отсутствующий ПЗ.

⁴⁸ <http://www.dialog-21.ru/media/2629/gavrilenko.pdf> (дата обращения 30.07.2019).

в родительном падеже использует универсальный именительный падеж.

Пропуск правой части парной запятой может привести к неправильному формированию синтагмы, внутри которой устанавливается синтаксическая связь, например: *В начале 90-х планировалось вооружить ППС, хранящимися на складах российскую милицию*⁴⁹. Вместо синтагмы *вооружить ППС* (пистолетами-пулеметами Судаева) *российскую милицию* сформировалась синтагма *хранящимися на складах российскую милицию*, в которой, несмотря на отсутствие согласования, сближаются *российскую милицию* и *хранящимися на складах* (*‘милиция хранится на складах’).

А вот обратный случай, когда неуместная запятая может быть интерпретирована как закрывающая часть парной запятой, что приводит к неправильному синтаксическому членению и искажению в интерпретации синтаксических ролей в следующем заголовке: *Известные спортсмены, которые могут быть замешаны, в австрийском допинг скандале*⁵⁰. Синтагма *которые могут быть замешаны*, отделяемая слева и справа запятыми, может быть воспринята как зависимая предикативная единица внутри главной *Известные спортсмены в австрийском допинг скандале*.

У одиночного тире много различных функций, и некоторая их часть связана с произвольным актуальным членением. Поэтому, на первый взгляд, тире ставить легко и безответственно. Однако тире оказывается очень громоздким знаком, чему способствует горизонтальность (это широкий знак), средний уровень расположения и наличие пробелов с обеих сторон. (Поэтому одна из функций одиночного тире – заместительная – основана на эффекте большой протяженности.) Громоздкость знака, а также его симметричность привели к тому, что в справочниках по пунктуации не рекомендуется ставить в ограниченном пространстве одиночные и парные тире, выполняющие разные функции: ср., например, неудобство восприятия следующей фразы: *Я думаю – не без основания – эти люди – наши враги*.

⁴⁹ <https://zen.yandex.ru/media/daidjest/luchshii-pistolet-pulemet-vtoroi-mirovoi-voiny-sovetskii-pps43-ego-skopirovali-daje-nemcy-5d2329b259861500add2f465> (дата обращения 30.07.2019).

⁵⁰ <https://zen.yandex.ru/media/serega/izvestnye-sportsmeny-kotorye-mogut-byt-zame-shany-v-avstriiskom-doping-skandale-5cdabdaf0ae27d00b35f0df1> (дата обращения 22.05.2019).

В паре «двоеточие – тире» основную нагрузку несет двоеточие, выражающее отношение между элементами конструкции, а тире имеет исключительно граничную функцию. Тем не менее утрата закрывающего тире этого парного ПЗ может дать неожиданный эффект, например: *<Бездомная представилась Татьяной Антоновой и вкратце рассказала о себе. Марине захотелось помочь ей, и она довольно быстро нашла информацию в Сети о том, что в поселке Беково Пензенской области, действительно, 13 лет назад пропала без вести Татьяна Антонова. //> У нее остались трое детей: Лена, Оля и Иван (–) и муж Владимир*⁵¹. Тире служит сигналом конца однородного ряда при обобщающем слове. Его отсутствие позволило включить в этот ряд еще один член, противоречащий смыслу обобщающего слова.

Как уже говорилось выше, постановка открывающей скобки однозначно предполагает наличие в правом контексте закрывающей скобки. Но такая предопределенность, тем не менее, не ограждает пишущего от смещения закрывающей скобки и одиночной скобки. Можно помыслить уникальный случай, когда во внутреннем контексте парных скобок обнаруживается список с рубрикацией с помощью одиночной скобки, исполненный в подбор, например: *Солнца не было видно (мешали а) низкие облака; б) густые кроны деревьев)*, – или пропущена закрывающая скобка, а в тексте обнаруживается список, исполненный в подбор с рубрикацией с помощью одиночной скобки, например: *1) Солнца не было видно (мешали густые облака; 2) было очень холодно...* Такие случаи возможны, но имеют характер курьеза, невероятного стечения обстоятельств. Однако расположение открывающей и закрывающей скобок на разных строках может привести к неразличению одиночной скобки и правой части парной скобки, например:

Данную информацию можно обобщить в виде таблицы (см. таблицу 1). Анализ специфики выражения кореллентности...

Приведенный пример подогнан специально таким образом, чтобы на вторую строку пришлось цифровое выражение с закрывающей скобкой, но подобные выражения попадают в текстах.

⁵¹ https://www.vesti.ru/doc.html?id=3173179&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения 31.07.2019).

Заметим, что во всех случаях понимание контекста вызывает затруднение именно оттого, что визуальное членение оказывается неоднозначным.

Но есть одна пунктуационная ситуация, в которой неразличение одиночного и парного ПЗ одобряется правилами. Это однородные и неоднородные согласованные определения в препозиции по отношению к определяемому слову, ср. [Ким, 2018].

Рассмотрим два примера: 1) *Юмор – это нормальная, адекватная(,) реакция на нелепости – и собственные, и чьи-то чужие* (Вы над собой смеяться не боитесь? (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03. – Национальный корпус русского языка); 2) *Задний, президентский, ряд сидений оборудован складывающимся столиком, а центральное место украшено геральдикой президента Соединённых Штатов* (Автоответчик (2002) // «Автопилот», 2002.07.15. – Национальный корпус русского языка).

В выражениях *нормальная, адекватная(,) реакция* и *Задний, президентский, ряд* второе определение является уточняющим по отношению к первому и поэтому должно обособляться, т. е. выделяться парной запятой. Однако в ПАСе мы обнаруживаем иное решение.

«§ 37. Однородные определения, выраженные прилагательными и причастиями и стоящие перед определяемым словом, отделяются друг от друга запятой, неоднородные – не отделяются...» [ПАС, 2007. С. 223].

«§ 41. Неоднородные определения разделяются запятой только в том случае, если второе из них поясняет первое, раскрывая его содержание (возможна вставка слов *то есть, а именно*): *Он... осторожно ступал по блестящей проволоке с новым, свежим чувством восторга* (Гран.), – здесь *новый* значит «свежий»; без запятой, т. е. при снятии пояснительных отношений, окажется иной смысл: было «свежее чувство восторга» и появилось новое («новое свежее чувство», но: «новое, свежее чувство...») [ПАС, 2007. С. 226].

Причина, почему авторы предлагают не ставить закрывающую запятую, понятна: две запятые в последовательности из трех слов-форм выглядят громоздко. На почему в этой ситуации возникает возможность вместо парного знака ставить одиночный?

Ответ в данном случае неочевиден. Постановка парного знака выделяет в отдельную синтагму и тем самым затрудняет синтаксическую связь для второго определения, которое в таком случае ориентировано не на определяемое, а на первое определение (адекватная = нормальная реакция). Одиночная запятая отделяет первое определение, которое имеет тесное отношение со вторым, вступающим в гипонимические или синонимические отношения с первым. Это значит, что в связь вступает не второе определение, а комплекс из первого и второго. В любом случае наличие тесного отношения со вторым определением способствует связи первого определения с определяемым.

Интересен пример с *задним, президентским, рядом*. Парная запятая в предложенном контексте появилась не случайно. Прилагательное *президентский* не является гипонимом или синонимом по отношению к прилагательному *задний* и вообще не связано с ним семантически. Таким образом, это прилагательное выполняет уточняющую функцию ситуативно, в связи с обозначаемой ситуацией. Поэтому автор выделил это определение с двух сторон, отчетливо понимая его уточняющий характер. В этом случае вполне уместна и одиночная запятая, которая актуализировала бы связь второго определения с определяемым.

Таким образом, несмотря на различие функций и вызываемого эффекта употребления, неразличение одиночного и парного знаков не всегда приводит к сложностям в восприятии текста. Наблюдаются даже регулярно воспроизводимые пунктуационные ситуации, в которых постановка одиночного знака вместо парного рекомендуется действующими правилами правописания.

В следующей главе речь пойдет о функциональной стороне русской пунктуации.

5. Пунктуация и текст.

Функции пунктуационных знаков ⁵²

Функциональной стороне русской пунктуации посвящено очень большое количество исследований. В каком-то смысле именно функциональный подход мог бы разрешить многие вопросы, возникающие у лингвистов-нормативистов. Если знать, зачем нужны ПЗ, то легче думать о правилах не умозрительно, а осмысленно, наблюдать, можно ли обосновать данное правило данной функцией.

Отмечу, что интерес к функциональному описанию пунктуации в нашей стране некоторым образом связан с периодами демократизации общества.

Так, монография А. Б. Шапиро, в которой просматривается тенденция к освобождению от нормативного подхода к пунктуации, вышла в 1955 г., после смерти Сталина и в преддверии хрущевских перемен, монография Б. С. Шварцкопфа, последовательно реализовавшая функциональный подход к пунктуации, – в 1988 г., на пике горбачевской перестройки. Примерно в это же время, в 1989 г., появилась работа А. Н. Баранова и П. Б. Паршина о включении пунктуации в состав метаграфемики.

Логика такого поворота в моменты общей демократизации идеологии и общественной жизни объясняется тем, что в это время требование соответствия общественного поведения норме ослабляется. Тогда лингвистика следует общекультурным тенденциям и начинает изучать то, что есть, а не то, что должно. Пунктуация как лингвистическая дисциплина, ориентированная на языковую норму, именно в такие периоды способна выйти за пределы узконормативного взгляда и обнаружить новые возможности описания. Возвращение регламентации общественной жизни в периоды политической стабильности приводит к новому потоку фиксации нормативных колли-

⁵² Фрагменты главы впервые опубликованы в [Ким, 2000; 2019б].

зий и тонкостей, поглощающих теоретическую непредвзятость и функциональную широту взгляда.

Второй источник отказа от нормативно-синтаксического подхода к пунктуации – привлечение к описанию текстов, ранее не попадавших в поле зрения специалистов по пунктуации. А. А. Реформатский [1987] рассматривал графику и другие выразительные средства печати с позиций типографики. Б. С. Шварцкопф занимался (в связи с описанием пунктуации и безотносительно к ней) изучением текстов деловой сферы, а в итоговой монографии описал нестандартную пунктуацию драматических произведений [Шварцкопф, 1988]. Изучение древнерусской пунктуации, основанной на иных, нежели современные, принципах организации и свободной от современной жесткой системы кодификации (см. [Абакумов, 1955; Белов, 1958; 1959; Михайлов, 1992] и др.), также ставит вопрос об обобщенных, не привязанных к системе норм закономерностях внешнего вида и использования пунктуационных знаков. Таким образом, расширение круга анализируемых текстов⁵³ ставит не только нормативные вопросы ненормированного письма, но и вопросы применения описательного подхода к пунктуации.

Все это вызывает попытки функционального описания в отечественной пунктуации. Причины применения функционального, а не структурно-системного подхода в качестве описательного понятны: нормативный подход учитывает характеристики макропространства ПЗ (текстовых структур, в которых они функционируют), поэтому и описательный подход учитывает в первую очередь свойства макропространства, т. е. вопросы отношения ПЗ к словесному контексту – тексту. Кроме того, план выражения знаков препинания (их микропространство) скуден даже на фоне выразительной лаконичности букв по сравнению, например, со звуками речи.

Можно назвать две линии применения функционального подхода в рамках лингвистического изучения пунктуации. Первый подход – системно-функциональный. Он в известном смысле может быть назван семасиологическим и восходит к упрощенной формальной классификации ПЗ – учету положения его элементов

⁵³ В последнее время также изучается пунктуация так называемой естественной письменной речи, см., например, [Тискова, 2002; Власов, 2007] и др. Наблюдается большой интерес к описанию пунктуации Интернета, особенно блогов, форумов и соцсетей, см. [Власов, 2006; Нашхоева, 2011; Стурикова, Кирпичикова, 2014; Басалаева, Шпильман, 2015; Басалаева и др., 2016] и др. Подробнее см. во введении.

в пространстве текста и их соотношения с вербальными компонентами текста.

Сторонником системно-функционального подхода к пунктуации был Б. С. Шварцкопф, чья итоговая монография по пунктуации [Шварцкопф, 1988] позволила взглянуть на ПЗ как на систему с ясным и понятным набором функций по отношению к внешней среде – тексту.

Б. С. Шварцкопф дает определение пунктуации с акцентом на ее функциональную сторону: «Пунктуация – система общеобязательных графических внеалфавитных знаков, составляющих – вместе с графикой и орфографией – совокупность основных средств письменного языка; генеральное назначение системы пунктуации – графическая организация и членение письменного (печатного) текста [Шварцкопф, 1988. С. 8]. В своей монографии в духе Московской формальной (фонологической) школы он определяет позиции для пунктуационных знаков и с опорой на позиционные характеристики описывает их функции. Различая единицы, внутри которых действует ПЗ (сферы употребления), и позицию внутри обслуживаемой единицы, Б. С. Шварцкопф задает две сферы употребления: предложение и текст⁵⁴, и три позиции: начало – середина – конец. Предлагает он также список основных функций пунктуационных знаков, наиболее важными из которых определяет функцию разделения (отделения), выполняемую одиночными ПЗ, функцию выделения, выполняемую парными ПЗ, и функцию распределения (оформление прямой речи и диалога; нумерованные и маркированные списки), за которую отвечают пунктуационные комплексы, т. е. целые наборы ПЗ, иногда в сочетании с параграфическими средствами, объединенные общей задачей [Шварцкопф, 1988] (табл. 3).

Содержание функций выглядит приблизительно так:

- разделение – отделение друг от друга левой и правой частей синтаксической единицы;

- выделение – отделение внутренней области, ее акцентирование и фиксация ее относительной свободы внутри основной синтаксической единицы;

⁵⁴ Ср. [Пеньковский, Шварцкопф, 1979], где выделяются три сферы употребления, включая еще и слово. Я придерживаюсь аналогичной точки зрения.

– распределение – фиксация расположения разнородных частей конструкции относительно друг друга, компенсация многоуровневости текста, в том числе:

1) соединение в одномерности строки двух разнородных, разноуровневых тестов: текста автора и текста героя (прямая речь и слова автора; реплики действующих лиц и авторский текст, например ремарки в драматическом произведении);

2) строгое упорядочение языкового материала в виде списка или перечня, нехарактерного для спонтанного, свободного изложения в тексте.

Таблица 3

Функции разных типов пунктуационных знаков

Количество позиций (мест)	Тип знака	Функция
Одна	Одиночные	Разделение
Две	Парные	Выделение
Произвольное	Пунктуационные (и пунктуационно-орфографические) комплексы	Распределение

Подход Б. С. Шварцкопфа – семасиологический, от знака к функции.

Обратим внимание на то, что из формальных признаков ПЗ Б. С. Шварцкопф опирался только на признак размещения элементов знака в тексте: компактно (одиночные ПЗ), в двух местах (парные ПЗ) или в нескольких местах в сложной комбинации (пунктуационные и пунктуационно-орфографические комплексы).

Есть в монографии Б. С. Шварцкопфа и нормативный раздел, но он располагается после функционального, что говорит о подчиненности нормативного подхода функциональному в системе ценностей исследователя. Второй особенностью нормативного раздела является его дескриптивный и дискуссионный характер.

Второе направление функционального взгляда на пунктуацию – текстоцентрическое, которое можно связать с ономаσιологическим подходом в лингвистике. Оно восходит к введенному А. Вежбицкой понятию метатекста [Вежбицка, 1978]. Метатекст, как его понимает А. Вежбицкая, – это элементы текста, которые являются средствами организации и членения самого текста, например: *Кстати, (Ян уже уехал)*. А. Вежбицкая так толкует смысл *кстати* в сочетании с приведенным контекстом: «1) Я хочу сказать что-то другое. 2) Я думаю, ты понимаешь, что меня на это натолкнуло то, что я говорил. 3) Знай, что Ян уже уехал» [Там же. С. 411]. Первая и вторая части толкования выражают функцию *кстати* по А. Вежбицкой. Важной особенностью такого метатекста является его встроенность в текст, «сегментный» характер, отсутствие маркеров отличия от собственно текста. В этом заключается парадокс метатекста, который подобен «парадоксу брадобрея» в логике. Последний также называют «парадоксом Рассела» по имени сформулировавшего его философа, логика и математика Б. Рассела [Russel, 2010. Р. 101–104; One hundred years..., 2004]. Формулировка парадокса приблизительно такова: брадобрей бреет в городе тех и только тех мужчин, которые не бреются сами. Бреет ли брадобрей сам себя? Понятно, что любой ответ порождает противоречие, которое может быть разрешено только введением особых правил для «брадобрея». В этом смысле и метатекст оказывается в ситуации внешней неотличимости от собственно текста, в отличие, например, от разметки в современных информационных системах, хотя он и выполняет функцию обработки элементов текста.

Т. В. Шмелева сближает метатекст с метакатегориями модуса высказывания [1994. С. 28–29].

Описанию средств метатекста в русском языке посвящена докторская диссертация Н. П. Перфильевой (автореферат [Перфильева, 2006]). Она показала, что «метатекстовая функция знаков препинания проявляется в двух частных: актуализационной (“выделяю самое важное”) и метаязыковой (“указываю на рефлекссию относительно употребляемого кода в семасиологическом, стилистическом, лексикологическом планах”). Так, в высказывании *Группа провела кинопробы, утвердила актёрский состав, была выбрана натура, а потом произошло предательство. Причем “кинули” нас как-то особенно неинтеллигентно, как-то особенно мерзко* (Э. Рязанов) кавычки выполняют метаязыковую функцию, а в контексте *О лю-*

бовь! Спасает мир – она! (М. Цветаева) – актуализационную» [Перфильева, 2006. С. 27].

В исследовании Н. П. Перфильевой «выделены регулярные корреляции средств выражения метатекста: 1) вербальные и собственно пунктуационные (*Только то была не “тарелка” в привычном понимании слова* (выделено автором. – И. К.), *а сигарообразное тело серебристого цвета*. Труд. 2003. № 82), 2) собственно пунктуационные и интонационные (*Все отвергал: законы! совесть! веру!* А. Грибоедов), 3) собственно пунктуационные и шрифтовые (*Они прекрасно понимали, чем грозит конец так называемой “хрущевской весны”, осень нашей весны, как потом сформулирует А. Битов*. Н. Иванова); 4) шрифтовые – пространственно-композиционные» [Там же].

Отличие пунктуационных показателей метатекста от вербальных средств заключается в специализации ПЗ, в том, что они, будучи сегментными письменными элементами, не соотносимы с сегментными элементами звучащей речи. Тем самым они сближаются с параграфемными средствами письма и печати (к ним относятся прежде всего шрифтовые выделения и пространственная организация текста), хотя и не совпадают с ними, поскольку последние не сегментны. Существует, однако, набор неязыковых графических средств сегментного типа, например звездочки, галочки и т. п., знаки, также выполняющие метатекстовую функцию, например, в маркированных списках⁵⁵. Это означает, что ПЗ занимают промежуточное положение между графическими и параграфическими средствами письма⁵⁶.

Функции ПЗ реализуются по отношению к вмещающему его текстовому фрагменту. ПЗ помещается в определенную текстовую структуру, представляющую собой в общем случае набор алфавитных и иных знаков. Эти знаки группируются в графические слова,

⁵⁵ Некоторое количество таких знаков, характерных для советской типографской практики, описал Б. С. Шварцкопф [1988], используя понятие «типографская пунктуация».

⁵⁶ Выше я уже писал о том, что А. Н. Баранов и Б. С. Паршин придерживаются другой точки зрения [Баранов, Паршин, 1989; 2018]. Они считают, что пунктуация является частью параграфемных средств языка, относимых ими к метаграфемике. В последнюю входят синграфемика (пунктуация); супраграфемика (цветовые, шрифтовые оформления и выделения, пробелы и проч.) и топографемика (пространственное размещение текста).

т. е. серии алфавитных знаков, иногда в сочетании с неалфавитными, например с дефисом, апострофом, слешем (дробью): *диван-кровать, д'Артаньян, в/н* (вредная привычка).

При описании контекстов употребления ПЗ я постараюсь избежать учета синтаксической структуры и семантики контекстов.

Принято считать пунктуационными знаки, которые используются внутри структур, состоящих из графических слов:

– графических предложений, например: *Мне грустно оттого, что весело тебе;*

– сочетаний двух предложений: *Избушка – так себе, амбар, рядов в тринадцать-четыренадцать, в одно оконце, без сеней, а то и без крыши. Кто их издревле рубит по тайге?* (В. Шукшин. Охота жить);

– сочетаний двух абзацев, например:

– *Кто там?*

– *Я.*

Как уже отмечалось, исходя из геометрических особенностей и функций пунктуационными можно считать и некоторые знаки, действующие в пределах графического слова: дефис <->, апостроф <'>, слеш </>. С пунктуационными знаками предложения, сочетания предложений и сочетания абзацев их роднит отсутствие фонемного значения, которым характеризуется большинство графических знаков – букв, геометрически простая форма (черта или точка с дугой), а также функция разделения, соединения или контраста, типичные для ПЗ. То, что их вмещающим контекстом является слово, не делает эти знаки аналогом букв.

ПЗ разделяет вмещающую структуру на два неравноценных контекста. Для одноместных ПЗ будем различать левый и правый контексты, а для двухместных ПЗ – внешний и внутренний контексты.

Левый контекст для одноместных и внутренний для двухместных ПЗ, как уже отмечалось, мы называем младшим, а соответственно правый и внешний – старшим. К младшему контексту ПЗ, как правило, примыкает, а от старшего контекста отделяется пробелом. Исключение составляют внутрисловные знаки, которые по определению не могут отделяться пробелом ни от одного из контекстов. Кроме того, и выпуклость направленных ПЗ, не представляющих собой точку или отрезок прямой, обращена как правило, в сторону

старшего контекста. Это свойство характерно и для внутрисловного апострофа, выпуклость которого направлена вправо. Оба эти фактора говорят о включенности младшего контекста во внутреннюю сферу ПЗ.

В этом случае функцию ПЗ мы можем описать как выражение:

- 1) характеристик младшего контекста;
- 2) характеристик старшего контекста;
- 3) отношения (отношений) между младшим и старшим контекстами.

Так, внутренняя область двухместного знака синтаксически обособлена, она может подчиняться левой части старшего контекста, а может не подчиняться ей, ср., например, вставные конструкции: *От Семеныча, сосед наш, приходят, говорят: Лексей чудом, концом выехал. Молчу, не верю* (Н. Леонов. Явка с повинной).

Младший контекст двойной запятой синтаксически не связан с предшествующим существительным *Семеныч*, которое требует от приложения постановки в том же родительном падеже, в котором оно само употреблено.

Синтаксическая обособленность внутреннего контекста парного ПЗ может принимать формы, переходящие границы грамматической нормы. Еще в конце прошлого века М. Я. Гловинской [2000. С. 273–275] отмечена тенденция к утрате согласования в падеже у причастия в составе постпозитивного обособленного причастного оборота по отношению к определяемому слову, ср., например: *Но ненадежность фундамента в конце концов привела его к развалу, ставшего* (вместо *ставшему*) *такой драмой, которую не хотелось бы переживать еще раз* (Известия, 03.03.96; пример М. Я. Гловинской, выделение и комментариев в скобках М. Я. Гловинской); ср. современные примеры: *У остальных **трансмиссий, доступными*** (вместо *доступных*) *для Тусана, были изменены передаточные числа, что рядовой пользователь вряд ли заметит*⁵⁷; *Под дополнительными элективными модулями (далее – ДЭМ) понимается набор дисциплин, предлагаемых для выбора бакалаврами, обучающимися* (вместо *обучающимися*) *по направлениям подготовки, реализуемых ГИ* (канд. ист. наук, 13.05.2018); *В текстах, написанные* (вместо *написанных*) *журналистами, преобладают аргу-*

⁵⁷ <https://www.kolesa.ru/news/obnovlyonnyj-hyundai-tucson-gotovitsya-k-rossijskim-prodazham-s-drugim-avtomatom> (дата обращения 24.09.2019).

менты третьего типа – ссылки на эксперта, носителя знания (56 %) (Научная статья по лингвистической тематике, черновик, 17.09.2019). Отметим, что есть некоторые закономерности в смешении падежей, однако они не важны для собственно фиксации того, что автономизация обособленного определения с потерей согласования происходит при выделении с помощью парной запятой.

Исходя из логики, выстраиваемой в связи с взаимодействием ПЗ со старшим и младшим контекстами, точку, например, можно определить как знак преднамеренного (произвольного) конца левого контекста. Это означает, что автор насильственным образом закончил контекст, про который заранее неизвестно, мог он продолжаться или нет. Такое определение позволяет описать значение точки в любых языковых условиях, например, точку при сокращении, при парцелляции, при ремарке в драматическом произведении [Шапиро, 1974. С. 84–85] и т. п. Естественно, есть ограничения для авторского произвола. Так, точке предложения запрещено разрывать служебное и знаменательное слова, определяемое и препозитивное определение, подлежащее и сказуемое и т. п. (см. приложение).

Предложенное Б. С. Шварцкопфом [1988] различие трех функций: отделения, выделения и распределения – можно свести к одной макрофункции – функции **отделения** младшего контекста от старшего (левого контекста от правого, внутреннего от внешнего, «чужой» речи от авторской). Назову также еще несколько функций.

Функция **соединения**: дефис служит для соединения частей сложного слова, например, *енот-полоскун*, а также является знаком переноса – соединения части слова в конце верхней строки с частью слова в начале нижней строки (см. п. 4.2).

Функция **контраста**. Эту функцию выполняют знаки верхнего и среднего уровней. Так, апостроф, который обычно относят к графическим знакам, служит, например, сигналом смены графической системы: *Robo Grill'ем* (Комок, 29.08.2000). Кавычки служат знаком контраста между авторской и «чужой» речью. Для отделения синтаксических единиц им необходима поддержка других пунктуационных знаков, что приводит к формированию «пунктуационных комплексов» (Б. С. Шварцкопф) (подробнее см. в п. 4.4.3).

Изобразительная функция (тире, обозначающее путь в названиях поездов: *Москва – Ташкент*). В авторитетном справочнике Д. Э. Розенталя рекомендуется ставить именно этот длинный знак с пробелами, а не короткий и беспробельный дефис.

Заместительная функция. Многоточие своей горизонтальной протяженностью замещает недосказанный текст, тире в эллиптическом предложении замещает пропущенное слово: *Четыре шага по мягкому ковру в одну сторону, четыре – в другую, остановка перед корреспондентами, улыбка, которая помогала ему всю жизнь* (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный). Эту же функцию выполняет «анафорический» и «катафорический» дефис [Ким, Гетьман, 2004].

Функция противопоставления. Эту функцию выполняет слеш (дробь), например: *потенциально и/или ситуативно значимый* означает ‘потенциально и ситуативно значимый’ или ‘потенциально значимый или ситуативно значимый’. Иными словами, слеш имеет значение логического оператора дизъюнкции. В идеале это

двухуровневая запись: $\frac{и}{или}$. Ср. наглядную запись единиц скорости $\frac{м}{с}$.

В практике компьютерного набора используются три разновидности слеша: прямой $</>$, косой $</>$ и обратный $<\>$. При этом обратный слеш вызывает раздражение при чтении и используется крайне редко. Редко используется и прямой слеш. Этому есть пространственное объяснение, связанное с линейной организацией письма. Как уже указывалось, макространство письма представляет собой полосу, выше и ниже которой пространство как бы не существует. В этом «гипер»-пространстве могут существовать только диакритики, а индексы, например, должны хотя бы частью располагаться на строке. Все основные (алфавитные и словесные) знаки должны располагаться на одной линии слева направо. Поэтому запись типа $\frac{и}{или}$ невозможна. Косой слеш имитирует ее, своей

диагональностью символизируя эту двухуровневость, как бы намекая на необходимость разворота в двумерное построение. Обратный слеш $и \backslash или$ тоже отражает двухуровневость, но при этом меняет

порядок следования контекстов на противоположный: $\frac{или}{и}$, –

нарушая порядок следования, который задается линейно: $и \rightarrow или$. Противонаправленность двух порядков следования и создает дискомфорт, который возникает при восприятии этого знака. Прямой же слеш оказывается просто невыразительным, поскольку не вы-

ражает двухуровневости. Поэтому более приемлем именно косой слеш.

Схожим образом объясняется выпуклость скобок. Скобки можно представить как овал, в который заключается выделяемый фрагмент текста. Аналогично ведут себя кавычки, двойные и одинарные (подробнее см. в п. 4.6.1).

Как видим, функция пунктуационных знаков связана с их перцептивными характеристиками: чем сложнее устроен знак, чем больше он имеет дифференциальных признаков, тем определеннее, однозначнее его функция. Ср., например, слеш и скобку, различающиеся наличием / отсутствием выраженного направления. Ранее слеш часто использовался вместо скобок, особенно при печати на портативных пишущих машинках, в которых экономия хотя бы одной литеры имела большое значение для компактности и веса. При издании таких текстов, в которых в рукописи вместо скобок используется слеш, в советское время последний обязательно заменялся на скобки для облегчения восприятия текста и, в частности, для снятия омонимии открывающего и закрывающего слешей, которые дифференцируются только по расположению пробела, а также омонимии слеша-скобки и слеша в обычной функции.

Для наглядности приведу один и тот же отрывок текста с направленными скобками и со скобками-слешами в моноширинной гарнитуре Courier New Cyrillic, напоминающей гарнитуру шрифта печатной машинки:

В высказывании /1/ кореферентность субъекта второй ПЕ /выраженного личным окончанием глагола/ субъекту первой ПЕ /выраженному местоимением МЫ/ выражается этой же морфемой и использует способ/механизм согласования /в данном случае – в лице и числе/;

В высказывании (1) кореферентность субъекта второй ПЕ (выраженного личным окончанием глагола) субъекту первой ПЕ (выраженному местоимением МЫ) выражается этой же морфемой и использует способ/механизм согласования (в данном случае – в лице и числе).

6. Пунктуация и синтаксис.

Ортологические вопросы пунктуации

Говоря о пунктуации, невозможно обойти вниманием ее взаимодействие с синтаксической структурой текста и его частей, равно как и вопросы пунктуационной нормы.

Сразу хочу отметить некоторые опасности, которых я хотел бы избежать.

Первая опасность – смешение вопросов взаимодействия пунктуации с синтаксисом и нормативных проблем. Это очень большая опасность, потому что в практике описания пунктуации синтаксический и нормативный подходы настолько тесно связаны, что очень трудно отделить их друг от друга.

Вторая опасность – погружение в частные вопросы, касающиеся интерпретации действия ПЗ в разнообразии синтаксических структур, отличающихся друг от друга чрезвычайно тонкими нюансами. Конечно же, специалист по формальному и семантическому синтаксису, как и нормативист с широким и непредвзятым взглядом на пунктуационную норму, способен к глубокой и убедительной интерпретации ее применения в сложных синтаксических условиях. Но мне как лингвисту, пытающемуся взглянуть на проблемы пунктуации теоретически, хочется, насколько это возможно, прочертить путь от формальных свойств ПЗ через их функции к употреблению в определенных синтаксических условиях и, что еще сложнее, обосновать пунктуационную норму формальными характеристиками ПЗ. Хочу сразу отметить, что пунктуационная норма в очень высокой степени обусловлена синтаксической организацией текстовых структур, что дает надежду на выполнимость моей задачи.

6.1. Пунктуация и типы синтаксического членения

Ф. Данеш сформулировал для синтаксиса важное различие трех аспектов (он называл их уровнями): формального, семантического и коммуникативного (ныне в отечественной синтаксической тради-

ции его называют актуальным) [Daneš, 1966]. Три аспекта предполагают и три разных, хотя и связанных, типа организации и членения: конструктивное – на устойчивые грамматические конструкции, семантическое – на единицы смысла, соответствующие возможностям синтаксического (сентенциального) уровня языка, актуальное – на сегменты, обладающие разной актуальной коммуникативной значимостью и разным коммуникативным назначением.

Трехаспектность синтаксиса нашла отражение в синтаксической теории (существуют три разных синтаксических предметности) и синтаксической дидактике (трехаспектный синтаксис читается во многих российских вузах).

Интересным образом трехаспектность синтаксиса проявляется в русской пунктуации.

В работах Б. И. Осипова [2003; 2010 и др.] и его учеников, посвященных истории русской пунктуации, отмечается различие между древнерусской пунктуацией, основанной на принципе отражения актуального членения [Осипов, 2010. С. 224]⁵⁸, и современной русской пунктуацией, основанной на преимущественном отражении конструктивно-синтаксической организации текста [Там же. С. 251 и далее]. Коротким периодом перехода от коммуникативного (актуального) к конструктивному принципу русской пунктуации Б. И. Осипов считает XVIII в., в котором сосуществуют факты, соответствующие реализации обоих принципов. В подтверждение своего тезиса он ссылается на выводы исследователей пунктуации этого периода [Там же. С. 248–251]. Собственно изучению переходного характера русской пунктуации XVIII в. посвящены исследования ученицы Б. И. Осипова Д. В. Ильиной [2010; 2012] на материале деловых памятников Западной и Восточной Сибири.

Единицей коммуникативного (актуального) членения является синтагма. У этого понятия есть по крайней мере два понимания. Одно из них, восходящее к Ф. де Соссюру, связывает синтагму с последовательностью любых языковых выражений одного уровня: «...Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновремен-

⁵⁸ Коммуникативный принцип, предлагаемый в качестве основного для древнерусской пунктуации, не вполне соотносится с принципом отражения актуального членения, но для простоты я буду использовать эти понятия как синонимические.

но... Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать синтагмами. Таким образом, синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц (например, *re-lire* “пере-читать”, *contretous* “против всех”, *la vie humaine* “человеческая жизнь”, *s'il fait beau temps, nous sortirons* “если будет хорошая погода, мы пойдем гулять” и т. п.)» [Ф. де Соссюр, 1977. С. 155]. Это широкое понимание синтагмы, которого я также придерживаюсь, см. [Ким, 2013]. Другое, более узкое, закрепилось в исследованиях устной речи, фонетике и коммуникативном синтаксисе. Под синтагмой понимается сочетание слов, объединенных интонационно, грамматически и содержательно [Колесов, 1989. С. 138]. Роль синтагмы как языковой единицы нечеткого грамматического статуса высока именно в изучении устной речи, в которой мало явных сигналов коммуникативной и смысловой завершенности, подобных точке в современном письме, а также при исследовании древнерусского письма, в котором не было знаков конца предложения и даже междусловных пробелов.

Для современной русской пунктуации принято распределять по степени значимости три основных принципа: формально-грамматический (конструктивно-синтаксический), семантический и интонационный (см., например, [Валгина, 1978. С. 395–400]) при полном доминировании формально-грамматического принципа.

Опыт преподавания пунктуации, как практической, так и в теоретическом ключе, работа корректором в неспециализированном печатном СМИ, участие в проведении, разработке, комментировании и проверке публичных диктантов, в том числе «Тотального диктанта», привели меня к мысли, что этот взгляд на современную русскую пунктуацию не совсем верен. И дело тут не в том, что неверно определен ведущий принцип по совокупности пунктуационных ситуаций, т. е. мест в тексте, предполагающих постановку того или иного ПЗ или отсутствие ПЗ. Важно, что пунктуация осуществляется в интересах читающего, который хочет, чтобы читать было удобно, смысл не ускользал, а членение текста не противоречило его читательским привычкам, но в то же время и в интересах говорящего, который хочет донести до слушающего свой коммуникативный и информационный замысел.

Это значит, что пунктуация должна учитывать интересы обоих основных участников письменной и печатной коммуникативной ситуации.

Автор письменного и тем более печатного текста крайне удален от адресата. Письменная и печатная коммуникация неконтактна, масса паралингвистических, невербальных средств контактного взаимодействия, помогающих адресату узнать личные и социальные характеристики автора, в такой коммуникации отсутствуют, поэтому большую часть информации об авторе читатель получает из текста [Ким, 2015б]. Но этим же усложняется и задача понимания читателем коммуникативного намерения, пафоса, логики мысли автора.

Позиция адресата печатного текста в каком-то смысле отражает позицию общества. Массовый адресат анонимен, а его читательский опыт и когнитивный стиль неизвестен, поэтому учет его интересов в пунктуационном оформлении текста связан с учетом синтаксической организации текста и соблюдением нормы, что является «социальным заказом» к пунктуации.

Позиция автора в отношении пунктуации связана с распределением информации по значимости.

Таким образом, «фактор адресата» (термин Н. Д. Арутюновой) в пунктуационном оформлении текста в общем случае связан с конструктивно-синтаксическим принципом пунктуации, а роль автора, опять же в общем случае, – с коммуникативно-актуальным.

Поэтому можно сказать, что пунктуация «для читателя» – это то, как должно быть исполнено пунктуационное оформление, а пунктуация «для автора» – это то, как его хочется исполнить.

При таком подходе постановка почти любого знака препинания является столкновением двух сил: индивидуальной авторской интенции и усредненного читательского ожидания.

6.2. Актуальное членение и пунктуационное оформление

Хочу предложить не соответствующий реальной практике письма, но позволяющий говорить о пунктуации как отдельной системе подход к пунктуационному оформлению текста. Помыслим исходный текст как пунктуационно не оформленную грамматически, семантически и прагматически связную последовательность алфавитных знаков, расчлененную на графические слова и даже распре-

деленную по страницам путем сплошного заполнения. Так не пишут, но так может быть исполнен, например, компьютерный набор, первичная расшифровка записей устной речи.

В таком случае мы сразу обнаруживаем странность: точка, относительно формально-грамматической природы которой, кажется, не может возникнуть сомнений, оказывается пунктуационным знаком, место постановки которого должно соответствовать довольно большому списку формально-синтаксических и семантических критериев, но во всем остальном его выбор произволен, т. е. является прерогативой автора.

Здесь очень важно то, что обычно по разным полочкам раскладывается употребление точки на месте конца предикативной единицы, например: *Он все-таки пришел в два часа ночи без денег.* – и употребление, которое связано с контрастным актуальным членением, прежде всего парцелляцией. Этот прием считается риторической или стилистической фигурой с целью разделить рему, которая бывает по составу довольно длинна, на самостоятельные части с максимальной коммуникативной значимостью: *Он все-таки пришел в два часа ночи. Без денег.* или *Он все-таки пришел. В два часа ночи без денег.* или *Он все-таки пришел. В два часа ночи. Без денег.*

Обычно вариант в точкой в конце *Он все-таки пришел в два часа ночи без денег.* оценивается как полноценное и целиком соответствующее норме употребление точки, а остальные варианты оцениваются как экспрессивные, возможно, авторские. Логика такой интерпретации понятна. Она опирается на представление о нормальном (даже не нормативном) положении вещей, когда формально-грамматическое, заложенное языковой системой, полностью соответствует коммуникативному, формируемому ситуативно в соответствии с задачей автора и учетом ожиданий адресата. Но точка как произвольный знак конца не готова к обязательному появлению там, где заканчивается предикативная единица, потому что она отделяет коммуникативную единицу, назовем ее фразой.

В поддержку произвольности постановки точки обращу внимание на то, что в диктантах, которые предназначены для проверки в том числе адекватности постановки пунктуационных знаков, диктующий не доверяет пишущим разбиение текста на предложения

и обязательно обозначает границы каждого предложения-фразы. Но и в этом случае, хоть и редко, участники диктанта разбивают слишком длинное предложение на несколько отдельных предложений либо относительно короткое объединяют со следующим.

Таким образом, точка является компромиссным знаком, следующим в своей позиции авторскому произволу, но при этом учитывающим множество формальных и смысловых ограничений.

Вторым знаком, в постановке которого во многих случаях коммуникативный принцип предстает ведущим, а грамматический сдерживающим, выступает одиночное тире.

Напомню, что тире – широкий, горизонтальный ПЗ среднего уровня типа черты. Большая длина (в сочетании с двумя пробелами) и продольное расположение этого знака на основной линии движения взгляда при чтении позволяет использовать его в двух противоположных функциях: как знак отделения и как знак продолжения (соединения). Эта комбинация функций дает возможность использовать тире в качестве «чистого» основного знака актуального (внутреннего коммуникативного) членения предложения, предикативной единицы или синтагмы произвольного состава на коммуникативно неравнозначные части – тему и рему. Это ключевая задача, которую решает так называемое «интонационное» тире. В некоторых случаях эта же задача выполняется тире в заместительной функции в неполной предикативной единице. Напомню, что такое тире ставится только между графическими словами, и никогда в начале или конце синтагмы. Кроме того, очень часто у автора есть право выбора, ставить заместительное тире или не ставить. И аналогично, при возможности выбора между постановкой и отсутствием тире между подлежащим и сказуемым постановка его является сигналом явной границы между темой и ремой. Собственно, постановка тире и при отсутствии такого выбора так или иначе является знаком границы темы и ремы.

Обратим внимание на то, что наблюдается тенденция к немотивированной постановке запятой в позиции, где она конкурирует с тире:

– между подлежащим и сказуемым, например: *Говорил, что в США и того и другого больше, чем у нас в нашем городке и боль-*

ше, чем в самой Москве, куда для наших попасть, это предел мечтаний⁵⁹;

– на месте пропуска члена предложения, например: *Места разделены на два сектора. В носу корабля располагаются пассажиры первого класса, в центральной части, (располагается) обычный эконом*⁶⁰.

Но запятая появляется и там, где тире не использовалось широко, а именно в следующих позициях:

– между сказуемым и дополнением, например: *Предварительно обезболив ногу, причинивший столько проблем осколок, удалили, а рану почистили*⁶¹ (в данном случае при инверсии);

– после препозитивного обстоятельства, например: *Для чего, спортсмены в депутаты рвутся?*⁶².

При этом запятая используется как знак актуального членения, фиксирующий интуитивную смену интонационного рисунка и /или микропаузу.

Таким образом, запятая становится знаком актуального членения вместо тире. Но если тире в силу перцептивных свойств способно не вторгаться в присловные и межсловные синтаксические связи, то запятая – более радикальный знак, формирующий автономные синтагмы и тем самым ослабляющий, а иногда разрушающий синтаксическую связь.

Усиление запятой в функции, которая для нее не свойственна, я связываю в первую очередь с ухудшением школьного образования по русскому языку, формирующим утрату массой пишущих пунктуационной интуиции и культивирующим пунктуационную безграмотность. В основе последней, как мне кажется, лежит потеря навыка автоматического синтаксического анализа, который формировался в прежние годы благодаря серьезному уровню изучения

⁵⁹ <https://zen.yandex.ru/media/1455/moi-drug-vstretil-nashego-zemliaka-v-niuiorke-chinovnik-trebovavshii-na-rodine-vziatki-stal-bomjom-i-prosit-milostyniu-5cac6a15d1ee8800af64f92a> (дата обращения 10.04.2019).

⁶⁰ <https://zen.yandex.ru/media/yanlaros/na-pervom-reise-komety-v-krymu-passajiram-stanovilos-ploho-5b6845babf9fcb00a8c9f9a0?from=feed> (дата обращения 15.08.2018).

⁶¹ https://zen.yandex.ru/media/opinion_of_people/amerikanka-posle-moego-vynujdenного-obrascheniia-v-rossiiskuiu-bolnicu-ia-ispytala-chuvstvo-dosady-i-razdrazeniia-5b759740337a2400a8d2e8a3?from=feed (дата обращения 17.08.2018).

⁶² <https://zen.yandex.ru/media/serega/dlia-chego-sportsmeny-v-deputaty-rvutsia-5ca2f060c2662100b312fd3c> (дата обращения 09.04.2019).

синтаксиса в школе, а также регулярной практике диктантов и сочинений.

Последствия смены знака актуального членения очень существенны и приводят к тому, что пунктуация перестает отражать конструктивно-синтаксическое и семантическое членение предложения.

6.3. Роль пунктуации в отражении конструктивно-синтаксического членения текста⁶³

Рассмотрение пунктуации сквозь призму формальных (пространственных и двигательных) характеристик пунктуационных знаков (подход к пунктуации «от знака») оказывается неполным при описании употребления ПЗ внутри предложения. Но пунктуация имеет и другие корни. Они лежат в синтаксисе (такой подход можно назвать подходом «от синтаксической структуры»).

Подход «от знака» и подход «от синтаксической структуры» работают по принципу дополнительности. Решающим при обучении пунктуации предложения является подход «от синтаксической структуры». Для того чтобы понять специфику этого подхода, необходимо ответить на несколько вопросов.

1. Когда появляется пунктуационный знак?

Он появляется, когда необходимо разрешить противоречие между выразительными возможностями письма без пунктуационных знаков и синтаксической структурой предложения.

2. В чем заключается это противоречие?

Это противоречие между идеальным образом предложения и его реализацией в конкретном тексте.

3. Каков идеальный образ предложения?

1) Это простое предложение, содержащее одну предикативную единицу;

2) это предложение, не несущее экспрессии и не отражающее сильных эмоций;

3) это предложение, сообщающее информацию, а не требующее ее получения;

4) в этом предложении все компоненты занимают свои позиции строго по одному;

⁶³ Впервые опубликовано в [Ким, 2002а]. Печатается с сокращениями и изменениями.

5) в этом предложении все позиции заполнены;

6) все позиции соответствуют привычной роли слов данной части речи;

7) коммуникативный вес компонентов распределяется так, что в предложении один коммуникативный центр.

В случае такой идеальной для системы письма структуры предложения может быть поставлен только один знак – точка в конце.

Когда реальное предложение отклоняется от идеального, появляется знак препинания внутри предложения или меняется конечный знак.

Приведем примеры, в которых наблюдается несоответствие одному из представленных свойств «идеального» предложения.

1. Сложное предложение в общем случае требует постановки запятой между частями – предикативными единицами, например: *Сам экс-губернатор и его блокушники страшно возмущены тем, что Крайизбирком не принял никакого решения по их регистрации* (Свободная газета).

2. Дополнительная экспрессия требует постановки восклицательного знака, например: *Ах, какие удивительные ночи!* (Б. Окуджава. Дежурный по апрелю).

3. Вопросительное предложение требует постановки вопросительного знака, ср., например: *Я могу посмотреть справки, которые вы готовили для Гордеева?* (А. Маринина. Мужские игры; без вопросительного знака предложение невозможно отличить от повествовательного).

4. Однородные члены предложения занимают одну синтаксическую позицию и в случае отсутствия лексического маркера «неидеального» замещения позиции (союза *и/или*) разделяются запятыми, например: *При расчете вышеуказанного рейтинга не были учтены такие важные критерии, как **объем промышленной продукции, инвестиции в основной капитал, торговый оборот, объем перевозок грузов, сводный индекс потребительских цен на все товары и платные услуги, уровень официально зарегистрированной безработицы и многое другое*** (Экономика и жизнь – Сибирь).

5. Неполное предложение, характеризующееся незамещением некоторых синтаксических позиций, во многих случаях разрешает возникшее напряжение постановкой тире, ср. например: ***Внизу** – согры, там прохладно, в чащобе пахнет прелым* (В. Шукшин. Зем-

ляки; постановка тире необязательна, пропущено сказуемое / предикат, например, *находятся*).

6. Тире между подлежащим и сказуемым ставится в том случае, когда функцию первого и/или последнего выполняют части речи, для которых эта функция не является привычной, например: *Стариковское дело – спокойно думать о смерти* (В. Шукшин. Земляки).

7. Обособленные члены предложения приобретают коммуникативный вес, т. е. актуальную значимость, сопоставимую со значимостью коммуникативного центра предложения, ср., например, *Сидел я в огороде, обхватив руками колени, упорно, до слез, смотрел на луну* (В. Шукшин. Горе). В синтаксисе для таких оборотов существует понятие полупредикативности, фиксирующее как раз повышенную относительно обычных второстепенных членов актуальную значимость.

При таком подходе главным словом при постановке знака препинания является «противоречие». Чтобы разобраться в природе противоречий, вернемся к подходу «от знака». Рассмотрим контексты знаков препинания.

Можно отметить две основные синтаксические особенности контекстов:

- 1) равноправие / неравноправие;
- 2) простое и сложное предложение.

Первое различие означает, что равноправные контексты могут только отделяться друг от друга и именно из-за равенства в правах. Ни один из них не может помещаться внутрь другого. А неравноправие контекстов означает, что младший контекст находится внутри старшего, даже если он расположен слева или справа, т. е. не разрывает синтаксическую структуру старшего контекста. Например, левое положение вложенного контекста требует одиночной реализации знака (см. понятие нейтрализации ПЗ, п. 4.2) или вообще накладывает запрет на употребление знака, ср. скобки, которые невозможны при крайнем левом положении зависимой части, например: **(Что касается профессии) выбор я сделал самостоятельно, но он вполне естественен* (в газете «Комок») оформлено с помощью одиночного варианта парной запятой).

Второе различие означает разницу статусов контекстов. В сложном предложении каждый из контекстов в структурно-синтаксическом аспекте представляет собой простое предложение (в теоре-

тической лингвистике, чтобы различать предложение, обладающее целеустановкой и коммуникативной завершенностью, и предложение как синтаксическую структуру, вводится понятие предикативной единицы – по структуре она совпадает с простым предложением, а по степени самостоятельности может выступать или в качестве простого предложения, или как часть сложного предложения). Это означает, что в некоторых изоморфных контекстах, в которых взаимодействуют члены предложения, мы можем не ставить запятую, а между предикативными единицами мы ее обязаны поставить. Ср., например, однородные сказуемые и сложносочиненное предложение с одиночным союзом *и*: *Двое вооруженных автоматами людей ночью вошли в наш дом и постучали в двери соседки* (Ф. Искандер. Мальчик и война) – и *Заместителю губернатора Геннадия Микичура заметка не понравилась, и он «в качестве официального опровержения» направил в редакцию письмо* (Вечерний Красноярск).

Сведем основные пунктуационные ситуации в таблицу (табл. 4).

Таблица 4

Распределение пунктуационных ситуаций
по синтаксическим свойствам контекста

Предложение	Знаки	
	равноправные (отделяющие)	неравноправные (выделяющие)
Простое	1. Тире между подлежащим и сказуемым 2. Однородные члены предложения	1. Обособленные второстепенные члены 2. Вводные слова и предложения 3. Обобщающее слово при однородных членах
Сложное	1. Сложносочиненное предложение 2. Бессоюзное сложное предложение	1. Сложноподчиненное предложение

Данная таблица позволяет довольно эффективно группировать пунктуационные ситуации: равноправие / неравноправие распределяет постановку односторонних / двусторонних знаков, а различие простого / сложного предложения – преимущественное отсутствие или преимущественную постановку знака.

Обратим внимание на то, что в этой таблице есть переходные зоны, которые находятся на границах между ее ячейками:

1) внутри простого предложения между равноправными и неравноправными структурами находится зона однородных и неоднородных определений, составляющих нормативную проблему (см. п. 6.4);

2) внутри равноправных структур на границе простого и сложного предложения находятся составляющие нормативную проблему для пишущих однородные сказуемые, особенно распространенные, которые трудно отличить от сложносочиненных предложений (см. примеры выше);

3) практически в самом центре таблицы оказывается нормативно чрезвычайно сложная пунктуационная ситуация сравнительного оборота, который может оказаться сложноподчиненным предложением, полупредикативным сравнительным оборотом и составным сказуемым с разным пунктуационным оформлением.

Таким образом, общетеоретические представления о письме и пунктуации позволяют рационально и компактно интерпретировать использование пунктуационных знаков внутри предложения, что дает возможность вводить этот материал, например, в школьный курс русского языка.

6.4. «Допускающие» правила и их применение.

Запятая при однородных и неоднородных одиночных согласованных определениях⁶⁴

Из нормативных проблем пунктуации я хочу обратиться только к одной: обсуждению способа кодификации пунктуационной нормы на конкретном, хотя и чрезвычайно методически и, по сути, теоретически сложном примере пунктуации при однородных или неоднородных согласованных определениях.

⁶⁴ Впервые опубликовано в [Ким, 2018].

В этой пунктуационной ситуации привычная организация правил пунктуации оставляет ощущение недосказанности, которого не должно быть в рационально построенной системе правил. Поэтому я предлагаю формулировку, позволяющую найти зону вариантности, но при этом оградить ее строгими границами. Назовем такую формулировку пунктуационного правила допускающей.

Пунктуация при однородных членах предложения, не связанных союзом, обычно не представляет трудностей для пишущего. В большинстве случаев между такими однородными членами ставится одиночная запятая, разделяющая равноправные синтаксические элементы.

Однако в этой пунктуационной ситуации обнаруживается принципиальный случай, в котором постановка знака представляет большую трудность. Это сочетание двух (в редких случаях более) стоящих подряд определений адъективного типа, согласованных с определяемым словом.

На постановку знака влияет частеречная принадлежность определений, их позиция по отношению к определяемому слову, распространенность (наличие у каждого из них зависимых слов) и даже семантика.

В самом общем виде правило формулируется следующим образом, с одним важным исключением: «§ 37. Однородные определения, выраженные прилагательными и причастиями и стоящие перед определяемым словом, отделяются друг от друга запятой, неоднородные – не отделяются...» [ПАС, 2007. С. 223].

Однородность от неоднородности отличается тем, что каждое из **однородных определений** непосредственно относится к определяемому слову, поэтому они занимают место одного члена предложения и должны отделяться друг от друга запятой, в то время как дальнейшее из **неоднородных определений** относится к сочетанию ближнего определения и определяемого слова, поэтому они занимают место двух разных членов предложения и не разделяются запятой [Там же].

Наиболее сложный в пунктуационном отношении, хотя в синтаксическом отношении простейший случай – постановка двух одиночных согласованных определений при определяемом слове – существительном.

Однородными считаются два разных типа соединения определений:

1) определения, относящиеся к разным реалиям, например: *А иудейские, буддистские, протестантские лидеры традиционно ограничатся заявлениями общего характера – их пастве антиконституционный радикализм, как правило, не свойственен* (А. Верховский. Между паствой и электоратом (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08)⁶⁵. Характерная особенность таких определений – взаимоисключение: обозначаемые ими признаки не могут одновременно относиться к одной реалии. Один и тот же лидер не может быть одновременно иудейским и буддистским. Между такими определениями всегда ставится запятая [ПАС, 2007. С. 223];

2) определения, обозначающие признаки, которые могут характеризовать одну реалию, например: *...Загорелые светлоглазые сельчанки, в летние месяцы подрабатывающие в музее, строго дозируют поток желающих осмотреть роспись, которой на днях исполнится пятьсот лет* (О. Кабанова. Испытание фресками. Ферапонтовский музей в канун юбилея (2002) // «Известия», 2002.08.05). Одни и те же сельчанки могут быть одновременно загорелыми и светлоглазыми [ПАС, 2007. С. 223–224].

Между такими определениями запятая в некоторых случаях ставится, а в других не ставится. Также часты случаи, когда запятую можно ставить или не ставить по желанию пишущего. Такая троякая возможность создает большую сложность для нормативного описания и для методики, формирующей пунктуационный навык.

В методическом аспекте в случае, когда определения обозначают признаки, характеризующие одну реалию, наличие вариантности постановки или отсутствия запятой требует использования не предписывающих правил, как в случае с невариантным написанием, а более мягких допускающих правил, которые носят характер граничных условий. В некоторых случаях комбинация таких правил допускает возможность альтернативной постановки знака.

В предписывающем правиле в справочниках по правописанию используется основной предикат (*ставит*, *выделяет*, *обособляет*, *заменяет* и др.) в форме настоящего времени изъявительного наклонения в страдательном залоге (*ставится*, *выделяется*, *обособляется*, *заменяется* и др.). Такая форма имеет всевременное, или вневременное, значение, т. е. обозначает непреложную истину или

⁶⁵ Здесь и далее источником иллюстративного материала является Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru (в дальнейшем – НКРЯ).

стандартное положение дел. В известном смысле это наиболее сильная по категоричности форма предписания, лишаящая пишущего права на альтернативу. В реальной же практике формулирования правил вневременная форма изъявительного наклонения, скорее, представляет идеальную, типовую ситуацию, поскольку следующие правила или примечания к данному правилу могут ограничить действие данного правила, ср. продолжение формулировки правила в § 37: «...(исключение см. § 41)» [ПАС, 2007. С. 223]. Учитывая демократизацию нормы, особенно заметную в 90-х гг. XX в., авторы справочников используют допускающие формулировки с модальными вспомогательными предикатами: *допускается*, *допустимо* и т. п. Так, авторы ПАСа излагают принципы формулирования правил, хотя не рефлектируют грамматические особенности и модальность используемых предикатов: «В настоящем своде правил представлена пунктуация нормативная. В соответствии с этим при формулировании правил используются формы глаголов типа *ставится*, *выделяется*, *обособляется*, *отделяется*. Однако в связи с тем, что в современной практике письма наметились новые тенденции в применении знаков препинания, в формулировке правил иногда включаются обороты типа *допускается употребление*, *может ставиться*, *возможен знак*, *допустимо употребление* и т. п.» [Там же. С. 200–201].

Вместо используемых в справочниках по правописанию пассивных форм настоящего времени изъявительного наклонения со всевременным значением я буду использовать допускающий модальный предикат *можно*. Разница между всевременным изъявительным наклонением и *можно* такова: когда используется основной предикат в пассивной форме настоящего времени изъявительного наклонения, пишущий обязан ставить предписываемый знак при выполнении условия, которое формулируется правилом (и снятия ограничений, сформулированных сопутствующими правилами и примечаниями); когда используется вспомогательный предикат *можно*, пишущий обязан не ставить предлагаемый знак, если условие не выполняется, и произволен в постановке знака при выполнении условия, если нет ограничений другими правилами.

Рассмотрим действие такой формулировки на примере описываемого нами правила.

В общем случае запятую **можно** ставить, если для обоих определений **можно** найти общее родовое понятие. Часто это понятие

связано с оценкой: *умная, добрая девочка* – ‘хорошая’ девочка; *холодная, ветреная погода* – ‘плохая’ погода. Общее понятие не обязательно должно формулироваться одним словом, например: *Я поцеловала его в колючую, небритую щеку* (Л. К. Чуковская. Иосиф Бродский (1963–1972)) (= ‘вызывающую характерные осязательные ощущения’); *Попробуйте-ка в большом, чужом городе выследить осторожного человека* (Героиновый тюремщик (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24)) (= ‘неудобном для поиска’). Если же подобрать такое общее понятие **невозможно**, то запятую ставить **нельзя**: *Международная федерация футбольных ассоциаций / ФИФА / выиграла одну из самых длительных судебных тяжб* (Б. Зайцев. ФИФА выиграла судебную тяжбу за свои права в Интернете (2004) // ИТАР-ТАСС, 2004.09.15).

Теперь понятно, почему это правило является граничным. Оно не предписывает постановку знака, в данном случае запятой. Но при этом оно обозначает условие, являющееся границей, за которой предписывается отсутствие знака: в тех случаях, когда невозможно или чрезвычайно трудно обнаружить даже формулируемый не одним словом общий признак, предписывается отсутствие запятой.

Поэтому мы оцениваем как ошибку постановку автором запятой в следующем предложении: *Как отмечают историки христианства, в развитии Византии наступил естественный момент, когда в основных чертах византийская культура была завершена, был подведен определённый, негласный итог* (П. Кузнецов. Русский Феникс, или Что такое философия в России // «Звезда», 2001). Определение *определённый* выступает показателем слабоопределенности (можно заменить местоимением *некий* или *некоторый*); определение *негласный* выражает отсутствие официальности или просто явной выраженности действия, обозначаемого определяемым словом. Характеристики разнородны, запятая неуместна.

Использование приема подстановки общего родового признака на практике затруднительно, поскольку предполагает наличие высокой речевой культуры и изрядного интеллекта, а также необходимость их применения в рядовой ситуации практического письма. В принципе, с известными оговорками, в качестве тестового можно использовать прием постановки между определениями соединительного союза *и*.

Граничность в данном случае значит еще и то, что область, в которой постанова знака допустима, может регулироваться действием следующего правила, поскольку в сформулированном правиле был использован вспомогательный предикат со значением возможности, который не препятствует альтернативной постановке знака.

В общем случае запятую **можно** не ставить, если можно отнести левое определение к сочетанию правого определения и определяемого слова⁶⁶. В школьной практике используется такой прием: от сочетания правого определения и определяемого существительного можно задать вопрос к левому определению: *В нижнем этаже, где помещался кабинет, находилась большая красивая столовая, куда приходилось проходить через бильярдную* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)) (какая красивая столовая? – большая). Часто неоднородным является сочетание качественного и относительного прилагательных, например: *Успешная научная **работа** завершается публикациями в отечественных и международных изданиях* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (2003) // «Поиск», 2003.09.12) (какая научная работа? – успешная).

Если же такой вопрос задать **нельзя**, то запятая ставится **обязательно**: *«Кулиска» – детский театр, в его репертуаре кукольные драматические спектакли* (Н. Шагрова: «Я – мал» ищет единомышленников (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06) (какие драматические (имеется в виду, что действующие лица изображаются живыми людьми) спектакли? – *кукольные).

Таким образом, задается вторая граница: невозможность представить левое определение как общее для сочетания правого определения и определяемого слова отделяет от общего массива те пары определений, которые характеризуют разные реалии. Драматические (с актерами-людьми) спектакли не бывают кукольными, иудейские лидеры не бывают одновременно протестантскими.

Обратим внимание на то, что граничные правила должны обладать некоторым потенциалом противоположности: наличие общего

⁶⁶ Интересным косвенным показателем даже не возможности, а необходимости отсутствия знака может стать пунктуационное и / или графическое выделение правого определения совместно с определяемым, например: *От внезапного рывка он свалился обратно в распахнутый «сдвоенный люк»* (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)), ср.: **распахнутый, «сдвоенный люк»*.

классифицирующего признака объединяет определения, способность дальнего определения характеризовать сочетание ближнего определения с определяемым разделяет их.

Можно заметить, что два граничных правила задают четкие границы для двух непересекающихся подмножеств в массиве сочетаний двух одиночных согласованных препозитивных определений, которые потенциально могут быть однородными и неоднородными:

1) невыполнение первого правила помогает выделить массив сочетаний, в которых определения не могут мыслиться как обладающие общим классифицирующим признаком, например, *большое паровозное кладбище*;

2) невыполнение второго правила помогает выделить массив определений, которые характеризуют разные реалии, хотя и обозначаемые одним существительным, например: *тяжелая, легкая промышленность*.

Если бы эти два правила делили исходный массив на две части нацело, то мы имели бы дело с двумя предписывающими правилами, которые требовалось бы по-другому сформулировать. Однако остается «середина», массив сочетаний, который допускает применение обоих правил. Используем по отношению к ним следующую формулировку.

Если выполняется и первое, и второе правило, то запятую **можно** ставить, а можно не ставить, например: *Зина была, как две капли воды, похожа на Зою: такая же золотистая, с большими красивыми глазами, с усиками-антенками* (В. Кологрив. Медовый луг // «Мурзилка», 2002) (с какими красивыми глазами? – большими); *Большой, красивый щегол с лоснящимися перьями вдруг перестал долбить, задорно чирикнул что-то и слетел на край западни* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)) (= ‘вызывающий приятное ощущение’; большой и красивый).

Есть, однако, третий случай, когда не выполняется ни одно из двух правил, например: *По этой модели построено значительное число других старинных русских слов, в т. ч. имён, например: (первоначально: ‘обладающий ярым (яростным) войском’), ‘тот, у кого дом пустой’ ‘плохой, незапасливый хозяин’, ‘красноречивый человек’ (буквально: ‘обладающий золотыми устами’) и т. п.* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000) (*плохой и незапасливый; какой незапасливый хозяин? –

*плохой). По сути, в выражении *плохой, незапасливый хозяин* второе определение является уточняющим (поясняющим) по отношению к первому и поэтому должно обособляться, т. е. выделяться парной запятой. Однако постановка второй запятой после одиночного определения воспринимается как нагромождение знаков препинания (*определение <запятая> определение <запятая> определяемое*) и поэтому избегается. В результате ставится только одна запятая, как при однородности определений [ПАС, 2007. С. 226–227]. Тестовым контекстом для выявления отношения уточнения является постановка союзов *то есть* и /или *а именно*. Вот еще примеры: *Это очень хороший, талантливый, фильм, в котором играют великолепные актёры* (М. Сидоренко. Телекино с Марьяной Сидоренко (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.05.16) (**хороший* и *талантливый*; какой *талантливый фильм*? – **хороший*; *хороший*, а именно *талантливый фильм*); *Юмор – это нормальная, адекватная, реакция на нелепости – и собственные, и чьи-то чужие* (Вы над собой смеяться не боитесь? (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03) (**нормальная* и *адекватная*; какая *адекватная реакция*? – **нормальная*; *нормальная*, т. е. *адекватная реакция*). Постановка второй запятой тем не менее вполне возможна, хотя и крайне редка, ср., например: *Задний, президентский, ряд сидений оборудован складывающимся столиком, а центральное место украшено геральдикой президента Соединённых Штатов* (Автоответчик (2002) // «Автопилот», 2002.07.15) (**задний* и *президентский*; какой *президентский ряд*? – **задний*; *задний*, т. е. *президентский*).

Отмечу, что однородность сочетания одиночных препозитивных определений является всего лишь эпизодом на фоне неоднородности, т. е. в этом случае запятая значительно чаще отсутствует. Так, в выборке сочетаний <полное прилагательное в Им. п. единственного числа> <полное прилагательное в Им. п. единственного числа> <существительное в Им. п. единственного числа> из НКРЯ, полученной с помощью одного из встроенных сервисов корпуса (около 2,5 тыс. контекстов), запятая между определениями ставится только в 11 % случаев, при этом большое количество примеров содержит определения, второе из которых является уточняющим к первому, например: *На то она и поставлена, чтоб формировать гармонически развитую личность, если, конечно, это народная, национальная власть* (В. Плотников. СМИ без цензуры – диктатура халтуры (2003) // «Советская Россия», 2003.08.19) (**народная* и *националь-*

ная; какая национальная власть? – *народная; народная, т. е. национальная).

Бывают и пары определений, которые находятся на границе всех трех основных отношений: однородности, неоднородности и пояснения, например: *Я поцеловала его в колючую (ø/), небритую (,) щеку* (Л. К. Чуковская. Иосиф Бродский (1963–1972)) (= ‘вызывающую характерные осязательные ощущения’ (колючую и небритую); какую небритую щеку? – колючую; колючую, а именно небритую).

Сопоставление отношений между одиночными согласованными определениями в препозитивных парах показывает интересное полевое распределение семантики:

1) семантическая разнородность, которая характеризует неоднородные определения, например: *большое паровозное кладбище*;

2) семантическое пересечение, которое характеризует произвольность в оценке однородности / неоднородности (и потенциально уточнения), например: *загорелые(,) светлоглазые сельчанки; большая(,) красивая столовая; колючая(,) небритая(,) щека*;

3) альтернативная семантическая однородность, в том числе антонимия, которая характеризует обязательную синтаксическую однородность, например: *иудейские, протестантские лидеры; тяжелая, легкая промышленность*;

4) синонимия и гипо-гиперонимические отношения, характеризующие уточнение, например: *нормальная, адекватная реакция*⁶⁷.

Как видим, семантическое отношение в произвольной паре одиночных согласованных препозитивных определений в сочетании с определяемым задает синтаксическое отношение и с разной степенью строгости определяет его пунктуационное оформление.

Таким образом, в кодификации пунктуационной нормы при возможной вариантности альтернативных написаний полезно применять допускающие правила, имеющие граничный характер и строго задающие зону допустимой вариантности.

⁶⁷ Результатом поиска в НКРЯ сочетания *нормальный* и *адекватный* с расстоянием 1 стали девять контекстов, и во всех контекстах стоит одиночная запятая между определениями.

Заключение

Формальный анализ пунктуационных знаков, затронувший совокупность их микропространственных (начертательных) свойств, показал, что значительная часть функций ПЗ тесно связана с их внешним видом. Это вполне объяснимо: знаки препинания служат для визуальной организации текста и его частей, поэтому им нужна наглядность и выразительность.

Геометричность ПЗ, их пространственная простота и пространственный минимализм позволяют легко отличить ПЗ от алфавитных знаков, и это, в свою очередь, помогает ПЗ служить видимыми знаками текстовой разметки.

Характеристики микропространства ПЗ, как бы невелико оно ни было по сравнению с размерами строк, абзацев и страниц, позволяют ПЗ управлять процессом чтения, заставляя читателя взглядом отмечать целостность контекстов (точка и другие знаки конца предложения), их членение на более мелкие текстовые единицы («внутренние» знаки, употребляющиеся в пределах графического предложения), размечать отрезки текста по их значимости (скобки, восклицательный знак) и для некоторых оценивать коммуникативные установки (вопросительный знак) и смену авторства (кавычки), обозначать в тексте пропуски (тире и многоточие), фиксировать неочевидные места контраста (апостроф, дефис, слеш). Все это ПЗ производят в сочетании с разного рода пробелами и разнообразными параграфическими средствами.

Вглядываясь в синтаксические структуры текста, можно обнаружить некоторую коллизию, столкновение двух сил: интенции пишущего и природы синтаксической конструкции. Интенция пишущего требует произвольности, синтаксическая природа контекста предполагает предопределенность. Интенция пишущего ориентирована на отражение актуального членения предложения, а синтаксическая природа контекстов требует отражения синтаксической

структуры. Это столкновение порождает во многом мнимую коллизию наличия нормативной и авторской пунктуации, заставляя редактора, корректора и секретаря-референта, а также ответственного непрофессионального пишущего вступать в сложный компромисс между решением первой и второй задачи. Эта же необходимость поиска компромисса требует от пунктуационной нормы гибкости, порождает вариантность, гораздо более широкую, чем вариантность в орфографии.

Второй источник вариантности пунктуационной нормы – «феноменальность», самодостаточность текста и его фрагментов, многообразие конструктивно-синтаксических интерпретаций созданной автором поверхностной в хомскианском смысле структуры. Самобытие последовательности вербальных знаков подобно непрерывности и конкретно-историчности потока жизни в философском направлении, известном как философия жизни. Пунктуационное оформление (если уже произведено первичное членение на графические слова) есть первая интерпретация глубинных связей текста. Вторая интерпретация, которой может и не быть, – чтение текста с использованием звучащей или внутренней речи, предполагающее интонирование и паузацию. Расчлененный и акцентированный в результате этих действий текст подвергается уже окончательному пониманию читателем или слушающим.

Таким образом, пунктуационные знаки благодаря своей пространственной выразительности, геометричности и минималистичности позволяют построить своеобразный видимый каркас, в который заключается построенный одновременно по прихоти движения авторской мысли и по законам организации языковых единиц текст. Задача современной пунктуации заключается в том, чтобы, не вызывая ощущения грамматической и смысловой неорганизованности, помочь читателю адекватно воспринять мысль автора. В этом я вижу большую важность пунктуации, чем в следовании пунктуационной норме.

Некоторые научные перспективы настоящего исследования связаны с проведением психолингвистических процедур, которые позволяют определить, как форма ПЗ влияет на произношение носителей языка, как пишущие интерпретируют смысл одного и того же контекста, различающегося пунктуационным оформлением.

Возможно, имеет смысл закончить и опубликовать «Пунктуационный словарь», образец словарной статьи для которого читатель может увидеть в приложении к этой книге.

Кроме того, в моей книге совсем мало показаны выразительные возможности пунктуации «за пределами нормы», пунктуационные эксперименты и внешне не мотивированные решения пунктуационного оформления очевидных и неочевидных контекстов. Все это еще предстоит.

Список литературы

Абакумов С. И. Пунктуация в памятниках русской письменности XVI–XVII веков: Дис. д-ра филол. наук. М., 1955. 304 с.

Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Учебник для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: В 3 ч. 2-е изд. М.: Просвещение, 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. 256 с.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфематики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15. DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1

Басалаева Е. Г., Ружа О. А., Шпильман М. В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 59–69. DOI 10.17223/18137083/56/6

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Многоточие как объект языковой рефлексии в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 248–255.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

Белов К. И. Из истории русской пунктуации XVII века. Пермь: [б. и.], 1958. 30 с.

Белов К. И. Из истории русской пунктуации XVI века / Пермский с.-х. ин-т им. Д. Н. Прянишникова. Пермь: Кн. изд-во, 1959. 24 с.

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями: Учеб. пособие. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 187с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку (1912) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. Т. 2. С. 209–235.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Знаки препинания // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963б. Т. 2. С. 238–239.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высш. шк., 1978. 304 с.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

Вахек Й. К проблеме письменного языка / Пер. с нем. Т. В. Булыгиной // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 524–534.

Веденина Л. Г. Пунктуация французского языка: Учеб. пособие для студ. ин-тов и фак. ин. яз. М.: Высш. шк., 1975. 168 с.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–421.

Власов М. С. Проблема восприятия и порождения «естественной» пунктуации // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 31 октября – 1 ноября 2005 г.). Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2005. С. 160–166.

Власов М. С. Особенности употребления знаков препинания русскоязычными носителями в сфере электронной коммуникации // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 30 ноября – 1 декабря 2006 г.). Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. С. 25–30.

Власов М. С. Исследование восприятия текстов с нормативной и ненормативной пунктуацией носителями русского и английского языков методом лингвоакустического анализа // Вестн. Чит. гос. ун-та. 2007. № 4 (45). С. 86–94.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики): Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М.: Радуга, 1982. 366 с.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–304.

Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balcanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.

Заруцкий П. С. «Тишина» на странице: восприятие пустого пространства в тексте в греческой поэзии XX века // *Критика и семиотика*. 2019. № 1. С. 329–338. DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-329-338

Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 64 с.

Ильина Д. В. Принципы русской пунктуации и их отражение в текстах второй половины XVIII века (на материалах государственного архива Омской области) // *Филологический ежегодник / Под ред. Л. О. Бутаковой*. Омск: Вариант-Омск, 2010. Вып. 9–10. С. 114–116.

Ильина Д. В. Принципы русской пунктуации и их отражение в текстах второй половины XVIII века: особенности динамики (на материале архивов г. Кургана, г. Тары и Забайкалья) // *Фонетика и письмо в их эволюции и корреляции: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б. И. Осипов*. Омск: Омск. гос. ун-т, 2012. С. 99–103.

Ицкович В. А. Опыт описания современной пунктуации // *Нерешенные вопросы русского правописания*. М., 1974. С. 172–190.

Ицук Е. Н. Индивидуально-авторское использование пунктуационных средств в художественных текстах второй половины XX – начала XXI в.: Дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2015. 176 с.

Ким И. Е. «Лингвистическое бессознательное» в русской фонетике и графике // *Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: Сб. науч. тр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. Вып. 2. С. 4–14.*

Ким И. Е. Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое // *И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность: Доклады науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 2000. С. 95–104.*

Ким И. Е. О введении в школьный курс русского языка раздела «Теория и практика русского письма» // *Лингвистика и школа: Докл. междунар. науч. конф. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 2002а. С. 56–68.*

Ким И. Е. Хвостик вправо, хвостик влево... (Как должна выглядеть парная запятая, чтобы ученик не делал ошибок) // *Русский язык*. 2002б. № 47. URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2002&num=47> (дата обращения 09.09.2019).

Ким И. Е. Зачем обществу нужны филологи // Аккредитация в образовании. 2010. № 42. С. 44–47.

Ким И. Е. Линейная организация языкового знака и общая теория синтагмы: к постановке проблемы // Вестн. НГУ. Серия: История, Филология. 2013. Т. 12, вып. 2: Филология. С. 38–43.

Ким И. Е. Языковая технология и окружающая среда (к постановке проблемы) // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 38–44.

Ким И. Е. Речь и письмо в их отношении к языку и действительности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015а. Т. 14, № 9. С. 168–173.

Ким И. Е. Автор и его заместители в неконтактной речевой коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2015б. № 2 (5). С. 70–82.

Ким И. Е. Запятая при однородных и неоднородных одиночных согласованных определениях: «допускающие» правила и их применение // #Тотсборник: Сб. науч. тр. по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Новосибирск, 2018. Вып. 3. С. 125–133.

Ким И. Е. Одиночные и парные пунктуационные знаки: зона различия // #Тотсборник: Сб. науч. тр. по материалам Тотального диктанта. Новосибирск, 2019а. Вып. 4. С. 115–125.

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019б. № 2. С. 302–318. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-302-318

Ким И. Е., Гетьман А. А. Место и функция дефиса в графической системе современного русского языка // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2004. Вып. 6. С. 62–73.

Кириллица – латиница – гражданица: Коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. 340 с.

Кирсанов Д. Веб-дизайн: книга Дмитрия Кирсанова. СПб.: Символ-плюс, 1999. 358 с.

Ковтунова И. И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1976. 239 с.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.

Кольцова Л. М. Прагматика художественного текста в зеркале русской пунктуации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 1. С 284–299.

Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учеб.-метод. пособие. СПб.: МиМ, 1997. 286 с.

Кошечкина И. Г. Текстобразующие структуры языка и речи. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 184 с.

Кузнецова Т. В. Принципы русской пунктуации // Русский язык и культура речи. Синтаксис: Учеб. пособие для студ. вузов / Под ред. Г. Я. Солганика. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 240–252.

Михайлов А. В. Древнерусский текст: пунктуация и предикация: Дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербург. ун-т. СПб., 1992. 229 с.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1979. 304 с.

Нашихова М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Серия: Филология и искусствоведение. 2011. № 12. С. 321–327.

Никитина Е. А. Сукцессивные и симультанные тропы повествования // ФИЛОLOGOS. 2011. № 1 (8). С. 23–32.

Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М.: Знание, 1973. 352 с.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. Ч. 1. 532 с.

Осипов Б. И. Краткий курс русского языка: Учеб. пособие. 3-е изд. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 374 с.

Осипов Б. И. Судьбы русского письма: история русской графики, орфографии и пунктуации: Монография. М.: Ин-т рус. яз. РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 5–25.

Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 43 с.

Подберезкина Л. З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык сегодня. М., 2003. Вып. 2. С. 511–529.

Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 213–223.

Реформатский А. А. Техническая редакция книги (1933) // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 141–179.

Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высш. шк., 1979. 224 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5-е изд. М.: Книга, 1989. 320 с.

Русская грамматика: В 2 т. / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 398 с.

Русская разговорная речь: Тексты. М.: Наука, 1978. 307 с.

Русский язык. Тесты. 11 класс. Варианты и ответы государственного тестирования. М.: Прометей, 1998. 96 с.

Русский язык. Тесты. 11 класс. Варианты и ответы государственного тестирования. М.: Прометей, 1999. 85 с.

Руссков С. П. Каллиграфия для учителей: Пособие для учителей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 104 с.

Сафронова И. П. Эстетические функции индивидуально-авторского тире в цикле «Стихи к Блоку» Марины Цветаевой // Вестн. Удмурт. ун-та. Филологические науки. 2004. Вып. 5 (2). С. 75–81.

Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 17–27.

Современная русская устная научная речь. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. Т. 1: Общие свойства и фонетические особенности. 333 с.

Соловьева Н. Н. Как пишется правильно? Нормы орфографии и пунктуации русского литературного языка. М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. 96 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Стурикова М. В., Кирпичикова М. Е. Пунктуация в текстах социальных сетей // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 154–159.

Тараканова А. А. Особенности симультанного анализа и синтеза у младших школьников с дисграфией // Изучение нарушений письма и чтения. Итоги и перспективы: Материалы I Междунар. конф. Российской ассоциации дислексии (Москва, 14–16.09.2004). М.: Изд-во Моск. социально-гуманитарного ин-та, 2004. С. 246–253.

Тискова О. В. Русская пунктуация как коммуникативный феномен (к постановке проблемы) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Материалы конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Ч. 1. С. 288–294.

Трапезникова А. А. Эргонимическая номинация в аспекте эффективности (по данным ассоциативного эксперимента) // Российский лингвистический ежегодник. Красноярск, 2007. Вып. 2 (9). С. 182–188.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Фридрих И. История письма. М.: УРСС, 2001. 464 с.

Холодковская Е. В. Пунктуация как средство реализации просодии при общении в социальной сети facebook (на материале англоязычной версии) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 102–106. DOI 10.15688/jvolsu2.2014.5.13

Чайковская Н. Н. Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата: Наука, 1988. 189 с.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

Шалимова Ю. М. Функции знаков препинания в текстах региональных периодических изданий // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 175–178.

Шати́ро А. Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 398 с.

Шати́ро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Просвещение, 1974. 287 с.

Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Шварцкопф Б. С. Норма в письменном кодифицированном языке // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 199–233.

Широкова Е. Н. Тенденции оформления чужой речи в массмедийном дискурсе // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6: Журналистика. С. 191–195.

Широкова Е. Н. Пунктуация как динамическая функциональная система // Пацюкова О. А., Петрова Н. Е., Широкова Е. Н. Динамические явления в русском языке и русской речи: Монография. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2019. С. 154–220.

Шмелева Т. В. Язык города. Наименования магазинов. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1989. 40 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994.

Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: Межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1997. Вып. 1. С. 114–123.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 256 с.

Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации: Монография. СПб.: ПетроПресс, 2005. 291 с.

Языковой облик уральского города: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 234 с.

Daneš Fr. A Three-level Approach to Syntax // Travaux Linguistiques de Prague. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1966. P. 225–240.

One hundred years of Russell's paradox. Ed. by G. Link. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. 662 p.

Russel B. The Philosophy of Logical Atomism. London, New York, 2010.

Образец словарной статьи для пунктуационного знака «точка»

Схема словарной статьи (в скобках – знак, отделяющий один элемент статьи от другого).

1. Заголовок = основное название (;). 2. Варианты названия (;). 3. Эталон начертания знака (;) варианты (.). 4. Параметрическое описание (,) перцептивные свойства (произвольное пунктуационное оформление). 5. Обобщенная функция (двоеточие, абзац). 6. Релевантные контексты (с маркированием каждой отдельной позиции) (далее в подбор по каждой позиции)(.). 7. Основные пунктуационные правила (включая и правила употребления с неучтенными в современной пунктуационной норме контекстами) (:). 8. *Примеры* (. <С новой строки>). 9. Комментарий.

Примерная словарная статья для пунктуационного знака «точка» (в скобках указаны рубрики описания).

(1) *Точка, -и, ж.р.*; (2) (3) < >/< >. (4) Одноместный однокомпонентный ненаправленный знак простейшей формы нулевой мерности нижнего уровня со стандартным местом пробела, перцептивно довольно слабый, (5) обозначающий преднамеренный (произвольный) конец левого контекста:

(6.1) – части сложного графического слова (7.1) при отсутствии внутренних сокращений после согласной буквы в сочетании с дефисом, пробелом или без них, например: (8.1) *зам_декана* (наряду с *замдекана*); *н_-греч.* ‘новогреческий’, в *т_ч.* ¹ ‘в том числе’;

¹ Графически *т.ч.* – единое слово. К стяжению (употреблению без пробела) тяготеют воспроизводимые неоднословные сокращения, т. е. зрительно ощущаемые как единство. Совершенно необязательно, чтобы графическое и фонетическое слово совпадали. Это касается не только клитик, но и различного рода сложных слов,

(6.2) – слова (7.2), при отсутствии внутренних сокращений после согласной буквы: (8.2) *г.* ‘город’; *сек.* ‘секунда’; *прид.* ‘придаточные’ *изъяснительные (студенческий конспект)*;

(6.3) – предложения, (7.3) как правило, при отсутствии разрыва между подлежащим и сказуемым, препозитивным определением и определяемым, управляющим и управляемым словом, служебным и знаменательным словом: (8.3) *Но не ради клоуна и не ради страшных львов ухлопал Чередниченко шесть рублей, нет, не ради львов. Его глубоко взволновала девушка, которая открывала программу (В. Шукиин. Чередниченко и цирк).*

(9) Таким образом, точка, обладающая минимальными перцептивными свойствами (нулевая мерность, простейшая форма, одиночность, ненаправленность и одностность – это признаки, которые можно считать немаркированными для пунктуационного знака), обладает и предельно абстрактным значением произвольного конца.

аббревиатур и т. п. (ср. [Ким, 1998] о метаязыковом характере словосложения и аббревиации).

Научное издание

Ким Игорь Ефимович

Теория русской пунктуации:
пространство знака и пространство текста

Монография

Редактор И. А. Похорукова
Дизайн обложки Е. В. Неклюдовой

Подписано в печать 19.12.2019
Формат 60 × 80 1/16. Уч-изд. л. 7,5. Усл. печ. л. 7.
Тираж 500 экз. Заказ № 17
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Игорь Ефимович Ким – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. Специалист по грамматической семантике, лингвистической теории референции, семантике действия. Занимается проблемами практической филологии, русского письма и русской пунктуации с 1996 года.

ISBN 978-5-4437-0991-8

